

И.Евстигней

Переводчик

И. Евстигней
Переводчик

«Accent Graphics communications»

2014

Евстигней И.

Переводчик / И. Евстигней — «Accent Graphics communications»,
2014

Ночное небо было незнакомым и чуждым – слишком высоким, слишком прозрачным, словно кто-то развёл жемчужно-серую акварель на кровавой подложке. Я сидел почти в этом небе... на каменном прямоугольнике, возвышавшемся над землёй на добрых пятнадцать метров – похоже, дом этажей в пять, не меньше. Тёплая куртка была распахнута настежь; пронизывающий ветер яростно трепал футболку, забирая остатки тепла, но изнутри меня обдавало жаром. Я поднёс ко лбу дрожащую руку, вытер пот и почувствовал, как по венам снова накатывает, нарастая, волна обжигающей радости. Прямо передо мной, метрах в пятистах, на фоне этого странного, распаханного багровыми зарницами неба неторопливо и торжественно оседало, будто стекая внутрь гигантской inferнальной воронки, уродливое, вросшее в землю как гигантский моллюск сооружение. Что это? Гора? Башня?.. Я видел, как сначала каменный монстр вздрогнул, всколыхнулся всей своей мягкой бескостной плотью, будто кто-то кольнул его в сердце смертоносной иглой. Потом замер на бесконечно долгую минуту, будто размышляя, что делать дальше. И, наконец, начал неспешно сжиматься: выложенный белой глазурованной плиткой, видимый даже отсюда второй ярус-этаж принялся сужаться, затягиваясь в середину воронки, за ним последовал третий, отсюда казавшийся багрово-чёрным, затем четвертый... Башня тяжело дышала, как умирающее животное, и оседала. И вот от этого-то самого зрелища – от этого странного неба, этого крушащегося на моих глазах каменного монстра – меня захлёстывала пьянящая, болезненная эйфория.

© Евстигней И., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Россия. Третий слой	6
Поднебесная. Безумие	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

И.Евстигней

Переводчик (роман-притча)

Переводчик – это бог: ведь он создаёт понимание из непонимания.

«...но если бог – переводчик, что же он переводит?»

Урсула Лё Гуин «Слово для леса и мира – одно»¹

*Переводчик, как незаметный серый кот, всегда рядом мурлычет
вам на ушко и спасает вас от одиночества...*

Из допроса инопланетянина:

*– Пункт шестой, – нерешительно зачитал комендант. –
Образование высшее син... кре... кри... кретическое.*

... Хлебовводов ревниво вскинулся:

– Какое? Какое образование?

– Синкретическое, – повторил комендант единым духом.

– Ага, – сказал Хлебовводов и поглядел на Лавра Федотовича.

*– Это хорошо, – веско произнес Лавр Федотович. – Мы любим
самокритику. Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.*

– Пункт седьмой. Знание иностранных языков: Все без словаря.

– Чего-чего? – сказал Хлебовводов.

– Все, – повторил комендант. – Без словаря.

*– Вот так самокритическое, – сказал Хлебовводов. – Ну ладно, мы
это проверим...*

«Сказка о тройке» Братья Стругацкие

...Теперь я знаю язык такой красивый и такой смертельный...

Мой рот истекает кровью, когда я на нём говорю...

Гвендолин Мак-Ивен

Россия. Третий слой

Ночное небо было незнакомым и чуждым – слишком высоким, слишком прозрачным, словно кто-то развёл жемчужно-серую акварель на кровавой подложке. Я сидел почти в этом небе... на каменном прямоугольнике, возвышавшемся над землёй на добрых пятнадцать метров – похоже, дом этажей в пять, не меньше. Тёплая куртка была распахнута настежь; пронизывающий ветер яростно трепал футболку, забирая остатки тепла, но изнутри меня обдавало жаром. Я поднёс ко лбу дрожащую руку, вытер пот и почувствовал, как по венам снова накатывает, нарастая, волна обжигающей радости. Прямо передо мной, метрах в пятистах, на фоне этого странного, распаханного багровыми зарницами неба неторопливо и торжественно оседало, будто стекая внутрь гигантской inferнальной воронки, уродливое, вросшее в землю как гигантский моллюск сооружение. Что это? Гора? Башня?.. Я видел, как сначала каменный монстр вздрогнул, всколыхнулся всей своей мягкой бескостной плотью, будто кто-то кольнул его в сердце смертоносной иглой. Потом замер на бесконечно долгую минуту, будто размышляя, что делать дальше. И, наконец, начал неспешно сжиматься: выложенный белой глазурованной плиткой, видимый даже отсюда второй ярус-этаж принялся сужаться, затягиваясь в середину воронки, за ним последовал третий, отсюда казавшийся багрово-чёрным, затем четвертый... Башня тяжело дышала, как умирающее животное, и оседала. И вот от этого-то самого

зрелища – от этого странного неба, этого крушащегося на моих глазах каменного монстра – меня захлёстывала пьянящая, болезненная эйфория.

Я встал – джинсы на коленях были разодраны в клочья, где только успел? новые ведь... – и подошёл к краю площадки. Подо мной насколько хватало взгляда, по широкой, метров пятнадцать, дороге медленно текла человеческая река. Так значит, это не дом? Я сижу не на крыше дома? Но что это? Ворота?.. "Баб-илу", "врата божьи" – почему-то всплыло в голове... Вавилон... Что за чушь? Я медленно опустился на колени – движения давались с трудом, будто воздух сгустился до состояния тягучего киселя – вцепился пальцами в зубчатый поребрик и заглянул вниз... В смутном свете тысяч факелов подо мной уходили вниз мощные стены, выложенные глазурованной плиткой цвета персидского сапфира со всполохами роскошных золотых рельефов. Между этими стенами были распахнуты гигантские арочные створы ворот, через которые текла, просачивалась толпа – лица, лица, лица... смеющиеся, жующие, говорящие, оливковоглазые, чуждые, будто сошедшие с полотен Босха, все в inferнальных красноватых бликах от свеженачищенной меди створов. А между высокими крепостными стенами уходила вдаль Дорога Процессий —...чёрт, да откуда я знаю это название?!.. – и этот каменный мешок казался ещё зловещее из-за злобных оскалов львиных морд в ореоле багровых грив, взиравших с небесно-голубой лазури стен.

Сквозь гомон человеческой толпы пробивался утробный гул оседающей башни. Я поднял глаза. Вокруг каменного монстра, на фоне этого странного неба, роем трупных мух метались потревоженные с ночёвки птицы. Уже начала оседать вершина: венчавший крышу храма золотой полумесяц —...золотые рога великого бога Мардука?.. – нехотя накренился и скатился к центру, нырнув в провал. Казалось, башня держалась золотыми рогами за небо – как только те исчезли в воронке, её внешние стены начали быстро складываться внутрь, как у непрочных домиков-замков из глиняных табличек, которые я любил строить в детстве. Теперь уже грохот перекрыл все человеческие звуки, и весть о происходящем – судя по всему, чудовищном, невероятном происходящем – донеслась от хвоста процессии до её середины. Толпа взволновалась, зашевелилась, судорожно заматались факелы, уродуя дёргающимся светом человеческие лица, и люди побежали... Они бежали вперёд, снедаемые суеверным страхом, прочь из этого города, за его стены, дальше, как можно дальше отсюда... В узком проёме ворот они давили, топтали друг друга, налетая на падающие факелы, вопя от боли и ужаса, пытались ухватиться скользкими от крови пальцами за маслянистую гладь глазурованных стен... Но меня это не волновало. Люди меня больше не волновали... больше... или никогда? Я не отводил глаз от останков гигантского моллюска, содрогавшегося в предсмертных конвульсиях, и меня вновь и вновь, перекрывая друг друга всё с нарастающей силой, захлёстывали волны чистого, опаляющего, божественного восторга, от которого немели кончики пальцев...

Неужели это сделал я, Накиру², пришелец, чужой? Убил душу, разрушил сердце этого роскошного, высокомерного, жадного, немилосердного, самоуверенного, грешного и жестокого города городов, столицы мира?³ Я лёг на спину, закинул руки за голову и впервые с того вечера —...какого *того* вечера?.. – посмотрел в небо. Снизу доносились человеческие крики, вопли, стоны. А я лежал и любовался лёгким, прозрачно-серым с розовым отсветом, каким оно бывает только в этот первый весенний месяц нисану, небом. Да, это сделал Я! Я! Вы слышите все боги этого мира?! *Это сделал Я!*

Я проснулся, как от толчка, жадно хватая ртом воздух. Сел на полу посреди размётанных листов бумаги вперемежку со скомканными отрезами шёлка, то вздымавшимися жемчужными волнами, то растекавшимися зеркально-радужной гладью. Шея затекла от неудобного лежания,

² nakiru на аккадском языке означает 'чужой'.

³ Высокомерный (Ис. 14:13), жадный (Иерем. 51:13), немилосердный, жестокий (Ис. 47:6), самоуверенный (Ис. 47:8).

ухо горело, так что пришлось изо всех сил растереть их ладонями. Да ладно, не привыкать... Кажется, засыпать среди ночи на толстенных талмудах или клавиатурах компов – извечный удел переводчиков. Пока я спал, бессовестный ночной ветер настезь распахнул балконную дверь и теперь хозяйничал в полупустой комнате, ласкаясь о складки тончайшего шёлка и деловито шурша бумагой. Ветер пах ночью, тишиной и тем едва уловимым влажновато-тяжёлым запахом большой воды с тревожными нотками тины и донной рыбы, которым всегда пахнет воздух на берегу воронежского искусственного моря.

Я пошарил рукой под слоем бумаг, нащупал увесистый рулон шёлка и дёрнул на себя размотавшийся конец, сбросив уютно устроившегося на нём и не менее бессовестного, чем ночной ветер, рыжего кота Елисея. Чёрт возьми, да когда ж ты, красавец первый дворовый, перестанешь спать на моих переводах?! Под Елисеем обнаружился и искомый пухлый блокнот. Я нашёл чистую страницу и принялся покрывать её мелкой убористой вязью, пока не забылся, не затерялся в путаных лабиринтах нейронных сетей только что просмотренный – или показанный мне? – фильм. Да знаю я, знаю... абсолютно бессмысленная, дурацкая и, тем не менее, отточенная годами привычка записывать свои сны... Глупая надежда на будущее спасение, когда мир вокруг меня начнет окончательно рушиться и рассыпаться на мельчайшие осколки. Глупец...

Наконец я захлопнул блокнот, оттолкнулся ногами от пола и впрыгнул в низкую боевую стойку. Ушуистские полукеды мягко спружинили о ковёр. Елисей лениво приоткрыл один глаз – ну-ну, хозяин, крут, крут, нечего сказать – перекатился через спину и повторил мой прыжок. Победоносно глянул на меня – извечный котовый спор, кто из нас двоих круче – и засеменил впереди меня на кухню.

Запах кофе опиумными струями вытекал из кофемолки и тут же подхватывался, закручивался по кухне свежим ночным бризом. Кофе, излюбленный напиток переводчиков и других обитателей ночного царства... сегодня сварим кенийский, который хорош и без того, с мягким послевкусием вина, а если ещё добавить в кофемолку кожистое зёрнышко кардамона и кусочек алого кайенского перца... Но на этот раз чувство тревоги, невесть откуда взявшееся и так немилосердно выдернувшее меня из сна, не исчезало и продолжало шевелиться внутри беспокойным спрутом. Что-то случилось, пока я спал. Или пока не спал? Да, это точно, что-то случилось, никаких сомнений, причём что-то ужасающе и крайне важное, что ни в коем случае нельзя было – недопустимо было упустить... но что?!

Я выложил влажновато-шоколадную пыль в старую джезvu и поставил её на огонь. Город за окном сладко спал; мой любимец – единственный пирамидальный тополь, которому удалось дорасти до окна моего десятого этажа (все остальные в нашем дворе не переросли уровня седьмого-восьмого) мягкой кисточкой-верхушкой упорно растушёвывал пастозную черноту июльского неба. Ощущение тревоги не отступало, протягивая свои скользкие щупальца из марианских впадин моего подсознания. Чёрт возьми, да что вообще происходит?!!!

Наконец в джезве мягко задышало-зашевелилось, начало приподниматься со дна, пробивая плотную пену. Я выключил огонь, плеснул тяжёлую жидкость в толстостенную чашку из чёрной глины, чтобы подольше не остывало (когда переводишь, это немаловажно, особенно в мёрзлые осенние и зимние дни, из такой чашки можно пить кофе горячим целых две-три страницы!) и плюхнулся в кресло, вытянув ноги на подоконник. Итак, попытаемся разобраться. Пряная горечь не подвела, рассеяла предутренний морок в голове, прочистила мысли безупречно, как всегда. Вчера... так, что у нас было вчера?... Нуууу... скромная по любым меркам вечеринка с друзьями... и подружками тоже... Да нет, вряд ли причина в ней. Немного водки со льдом... и чёрный ром... поболтали, потусовались... ну да, потом ещё было пиво, но ведь добротное, нефilterованное... в «Тарантуле», где пара неплохих групп играла альтернативный рок. Потом вернулся домой, сел за перевод, потому что сроки поджимают... опять

же, как всегда... Перевод? Да нет, тоже вряд ли. Обычный научно-литературный труд на ново-китайском...

Я резко подскочил. Обжигающий кофе плесканулся на ноги, мгновенно прошёл сквозь тонкие джинсы, и я едва не завопил от боли. Чёрт, чёрт, чёрт!.. Потирая на ходу то одну, то другую ногу, я бросился в комнату и начал судорожно перебирать распечатанные ночью бумаги. Да нет, нет... в русском переводе ничего необычного: первый слой – ничем не примечательная научная статья о каком-то социо-историческом исследовании процессов миграции народов в регионе Атлантики; второй слой – такой же непримечательный роман о двух китайских влюблённых, которые, преодолев впечатляющую вереницу всевозможных трудностей, к концу книги стали идеальной семейной парой. Оригинал на новокитайском? Я сгреб к себе скомканные отрезки шёлка и, стоя на коленях, принялся аккуратно раскладывать их на ковре. Тонкая ткань, причудливо разукрашенная узором иероглифов, послушно разглаживалась под ладонями, приятно холодя кожу. Вот он, отрывок, над которым я работал вчера. Так... Ничего. Предыдущий отрывок. Тоже ничего. Следующий... ещё... Ничего примечательного, и уж тем более ничего столь *ужасающе важного*, чтобы подсказывать среди ночи, как ошпаренному! Я усмехнулся. Да уж, как ошпаренному, точнее не скажешь... Параноик конченный...

Я восседал на полу посреди развалов китайского шелка, как удачливый в делах средневековый купец в своей процветающей лавке, перекладывая взад-вперед отливающие муаром невесомые полотнища-страницы, одаривавшие мои руки изысканной лаской. Ничего. Но откуда тогда взялась эта тревога? Я на мгновение затих и осторожно прислушался – мерзкий спрут никуда не исчез и продолжал копошиться где-то в донных глубинах моей души. Что ж, наверное, именно так и начинается безумие...

С улицы веяло покойной дремотой. Под неярким светом настенной лампы вытканное чёрной нитью тонкое кружево иероглифов сливалось в один причудливый узор, где уже невозможно было различить ни отдельных символов, ни их смыслов. Я бесцельно скользил глазами по глади вчерашнего отреза и вдруг замер, застыл, заостенел, боясь шевельнуться... Спрут, скрывавшийся в глубинах нейронных сетей, наконец-то набрался сил и хлестнул жгучим щупальцем по окаемке сознания. Только бы не упустить... Путаное прядево иероглифики растекалось на перламутровом шёлке – я читал его, не вчитываясь, видел, не глядяваясь, осознавал, не вдумываясь... «Бог... Бог...» Дальше, дальше, только не потерять эту рвущуюся под рукой, ненадежную паутинку... «Бог... что развратный юнец...» Я взмок. Ну, давай же, давай... «исполняет все прихоти... все... каждого... всех... Я встретился с ним... я узнал это... я доказал это...»

Змейки холодного пота медленно сползали по лбу. Я откинулся назад, оперся спиной о стену. Хрупкая паутинка мысли оборвалась, и я не делал попыток её восстановить. Всё это было попросту невозможно. *Невозможно, и всё тут*. И никаких сомнений. Никаких "может быть". Мне просто показалось... По-ка-за-лось. Да, просто показалось. На этом и остановимся. Потому как, будь это правдой, об этом бы уже знал весь мир. Да-да, весь мир. Третий слой в ново-китайском?!!! Который существовал всегда, только об этом никто не знал? Никто не знал, потому что это тщательно скрывалось? Или же начал рождаться совсем недавно, и я был первым за пределами Поднебесной, кто это обнаружил? Ха-ха-ха! Да, именно так – три раза "ха-ха-ха"! Первооткрыватель, чёрт тебя побери!.. Перед глазами всплыла идиллическая картинка – осенний парк, укрытый ковром из охровых листьев, четкие, словно вычерченные тушью икебаны изогнутых веток в прозрачном мареве воздуха, и белеющие вдали стены больницы здания... а точнее, элитной клиники для душевнобольных переводчиков, где рано или поздно оказывается большинство моих коллег по цеху... «А чего вы хотите, молодые люди?» – худощавый человек в белом халате со скальпельно-режущим взглядом, читавший у нас в универе так называемый курс «Профилактики», разводил руками. – Чрезвычайно высокая плотность нейронов, необычайная разветвленность аксонов и дендритов, лабильность нейронных

связей – в результате, способность к мгновенному перестроению нейронных сетей, а отсюда и к быстрому переключению с одной структуры сознания на другую, то есть с одного языка на другой. А это есть патология. Понимаете, молодые люди, *патология*. За всё в этой жизни приходится платить. Поэтому, по большому счету, это лишь вопрос времени, как скоро вы окажетесь у нас. И я здесь для того, чтобы научить вас, как можно дольше оттянуть этот момент...»

Всю жизнь осторожно ступать по хрупкому льду ментальной "нормальности", под которым бурлят мутные воды безумия, осознавая, что в любое мгновение тонкая ледяная корка под твоими ногами может вдруг треснуть, рассыпаться на мириады мельчайших осколков, собрать которые воедино будет уже не под силу ни тебе самому, ни богу, ни чёрту – вот плата за сверхпроводимость и сверхподвижность нашего мутированного мозга, за тот дар или проклятие, которое позволяет нам становиться теми, кем мы есть, сектой избранных и отверженных одновременно, а проще говоря переводчиками. Говорят, что раньше, в старые *добрые* времена, всё было иначе. Великая глобализация, мир без границ, где в тигле общечеловеческого переплавлялись и сливались воедино языки, культуры, национальные мыслительные паттерны и пестованные веками архетипы. А потом... потом началась великая деглобализация, или великое разбегание по норам, если хотите, или второе вавилонское столпотворение, как кричали церковники. Одна за другой, мир начали захлестывать волны глобальных войн и смертельных эпидемий, кровь омывала континенты, от страшных болезней вымирали города, страны. Там, где жили миллиарды, остались миллионы; где жили миллионы, остались тысячи; где жили тысячи, не осталось никого... И люди испугались. Они разбежались по своим норам, наглухо запечатали границы, выстроили непреодолимые стены. И стали жить в своих тесных национальных мирках. И жили так десятки лет, потом сотни... Войны и эпидемии удалось преодолеть, жизнь начала возвращаться в нормальное русло. Но за эти три-четыре сотни лет великого размежевания произошло необратимое. Люди размежевались не только земными границами, они размежевались внутри своего человеческого вида на глубоком ментальном уровне – на уровне фундаментальных операционных систем человеческого сознания. Разные нации перестали быть *совместимы* друг с другом. Они перестали понимать друг друга. Вместо прежней единой и непрерывной радужной сети языков, где один язык плавно перетекал в другой через серию переходных и пограничных говоров и наречий, каждый язык обособился, отгородился, испуганно обрезал все свои связи, окуклился и, наложенный на расшатанные животным страхом и вирусами физиологические структуры, стал развиваться своим уникальным путем. Проще говоря, теперь люди практически не могли – *не могли* в буквальном, физиологическом смысле слова – выучить и понять какой бы то ни было язык помимо собственного. Это было равносильно тому, чтобы научить кошку говорить по-собачьи. И только мы, редкие полумутанты-спецы, врожденные переводчики – один на сто тысяч – могли переключиться, понять, перевести...

Тише... тише... только не надо паниковать. Может быть, тебе всё это привиделось. Какой только бред не ползет в голову после того, как смешаешь водку и ром с пивом, верно?? Кому-то, а тебе с твоей неумной фантазией в этом деле доверять нельзя, сам знаешь. Главное, не торопись. И с выводами тоже.

Я притянул к себе планшетник, провел пальцами по экрану, и по чёрному маслянистому фону проскользнула, провила антрацитовая змейка.

– Приветствую тебя, хозяин.

– Привет, – сейчас мне было не до разговоров. – Открой поисковик. Любые форумы переводчиков, лингвистов, литературоведов, да блин кого угодно! Отчеты об исследованиях, статьи... На любых языках. Срочно! Поиск темы... любое упоминание, всё что угодно, о третьем слое в новокитайском языке.

Планшетник послушно вывел на экране моё задание, мудро отфильтровав всю эмоционально окрашенную лексику, и выдал традиционную табличку: «Выполнить?»

– Нет! – от испуга я едва не подскочил на полу. – Отмена!

Чёрт возьми, что ж ты делаешь! Выходить в сеть с таким запросом?! Да спецам из ФСБ раз плюнуть – вычислить пользователя, который задает такие... ммм... нестандартные вопросы. А уж твой вопрос нестандартен, можешь быть уверен. И, безусловно, весьма актуален с точки зрения государственной безопасности. Поэтому им заинтересуются, можешь не сомневаться. А поскольку у нас на всю страну переводчиков с новокитайского человек двадцать наберется, не больше, и все мы стоим на учете в пресловутых органах, эти бдительные парни уже через пару часов будут стучать к тебе в дверь!

– Отмена, – смиренно согласился планшетник. – Что дальше?

– Отключайся. Запрос из памяти сотри. Полностью, к чертям собачьим, чтобы никаких следов. Понял?

– Понял. Хозяин, можно немного полазить по сети?

– Валяй, – кивнул я. – Только сам знаешь...

– Знаю. Спасибо, – антрацитовая змейка в знак благодарности завернула замысловатый пируэт и исчезла в радужной воронке в центре экрана. Я задумчиво посмотрел на планшетник, погрузившийся в цифровую медитацию. Интересно, чем он там занимается, в сети? Общается с себе подобными? Пытается осознать себя? Я провел рукой по лбу... и что за странные мысли сегодня лезут тебе в голову?

Пару лет назад я удосужился перевести на нем сборник алгоритмических стихов с немецкого. Программисты платят за них неплохие деньги – говорят, будто черпают в них вдохновение. Хотя один из особо преданных поклонников моего таланта, сам программист от бога и хакер в одном лице, как-то по большому секрету, ну и по большой пьяни, не без того, признался, что "вдохновение" это носит чисто утилитарный характер.

Проще говоря, они используют эти стихи как основу для написания программ, «...да, Алекс, да... а в твоём переводе они вообще супер... ты профи... ты их чувствуешь... знаешь, как я тебя искренне уважаю... ценю... да, разумеется, немного подправленные...» Впрочем, мне было на это плевать. Заплатили деньги – а там пусть хоть корабли в космос на этих стихах запускают. Пренеприятнейшая вещь заключалась в том, что переводить эти стихи можно было только от руки на бумаге или, на худой конец, на печатной машинке (а где её возьмешь в наши-то дни?) Алгоритмические стихи напрочь сжигали БИОСы и материнские платы, затирали жесткие диски или, в лучшем случае, обрушивали системы.

Я с тоской посмотрел на лежавший передо мной пухлый томик стихов, который мне предстояло – и не раз – переписать от руки (я не гений, чтобы с первой же попытки выдать идеальный перевод!), плюнул на всё (ну же, красавец, неужто подведешь?...) и врубил планшет. Где-то на половине книги тот начал подвисать, задумываться над самыми невинными командами, наконец в ответ на мою просьбу сохранить последний переведенный стих задал глубокомысленный вопрос: «Зачем?» и отключился.

Я был в панике.

Придурок! Пофигист хренов! Из-за собственной лени загубить своего верного помощника! Как в лихорадке, трясущимися руками я схватил мобильник, отыскал номер того самого программиста-хакера... три часа ночи? Плевать! Тот спокойно выслушал мой раскаянный бред о загубленной компьютерной душе, благосклонно принял обещание всех земных благ за её спасение, довольно хмыкнув в телефонную трубку, что давно мечтал о нечто подобном («... Матвей, выручай!.. любые алгоритмические стихи, какие только пожелаешь, бесплатно, в лучшем переводе... только вытащи его, Матвей!»), но, когда узнал о причине такой щедрости, тяжело вздохнул.

– Знаешь, Алекс, я не бог. Ну я понимаю перевести один, максимум два стишка. Нормальный комп от этого поглотит-поглотит, да потом сам же и восстановится. Но вытащить комп, в который загнали целый сборник! Знаешь, что ты сделал?! Всё равно что всадил живому человеку миллиграмм сто героина и при этом внушал ему разную чушь про строение мира, бессмысленность бытия и другую подобную чепуху. После такого *не выживают!*

Матвей всё же приехал. Ввалился в комнату в пять утра, заспанный и взъерошенный, в застиранной футболке и спортивных штанах, с фельдшерским реанимационным чемоданчиком в руках. Покачал головой – «... и как только таких извергов до техники допускают!..» – и засел за планшет. Через два дня дисплей мигнул в первый раз. Через четверо суток реаниматор вылез из-за стола, с трудом разогнул затекшие ноги и, недобро глянув на меня, предупредил: «Готово. Живой. Но если ещё раз узнаю, что пытал технику алгоритмическими стихами... Это ж такая зараза – они потом ею по сетям обмениваются. Мало того, что свой комп загубишь, так и все остальные, которые в сеть входят, могут с катушек съехать. Представляешь себе всемирную паутинку из миллионов свихнувшихся компов?..»

В общем, стихи с немецкого с той поры я переводил только от руки, для чего пришлось восстановить давным-давно, сразу после школы утерянный почерк. Но с планшетником продолжало твориться что-то неладное. Временами он зависал, выдавая зашкаливающий уровень загрузки. Иногда вежливо осведомлялся: «Хозяин, можно поработать в сети?» Что-то происходило в недрах его электронного мозга. Лексикон его стремительно обогащался. Наконец, через несколько месяцев появилась змейка – поначалу я её даже не заметил. Она умело маскировалась: на чёрном фоне её шкурка приобретала антрацитовый окрас, на белом – молочный. Она с любопытством вслушивалась в мои команды, иногда что-то подсказывала, а остальное время мирно дремала в углу экрана. Назначение её мне было неясно, но постепенно я привык к ней и стал воспринимать её не иначе, как душу своего планшетника. Разумеется, это было уже слишком. Даже для меня. Но не обращаться же со своими странными фантазиями к специалистам? Поэтому со временем я смирился, и так мы и жили вместе – и работали тоже.

За окном принялось светлеть нехотя и вяло. Небо вновь навалило на город толстое одеяло облаков, готовых в любую минуту разродиться проливным дождём, и мой неугомонный друг своей кисточкой-верхушкой продолжал размазывать в воздухе тоскливую серую акварель. Холодное дождливое лето. Я сидел у стены и смотрел сквозь распахнутую балконную дверь, как очередное утро этого дождливого лета входит в город. А, может быть, порасспросить Всеволода Валентиновича? Всё же психиатр, психотерапевт и лингвист в одном флаконе, и "наш" человек, несмотря на свою в общем-то зловещую экзекуторскую роль в качестве главы региональной спецкомиссии, которую раз в год должны были проходить все местные переводчики и которая выдавала заключения о нашей психической нормальности и, соответственно, профпригодности... ну, или направления на лечение в ту самую элитную клинику, что было равносильно смертному приговору. Другими словами, это был человек, перед которым мы были обязаны изливать душу. Да-да, именно так – обязаны. Это было прописано в наших лицензиях, тех самых бумажках, которые, грубо говоря, и были нашим разрешением на нормальную жизнь. А для тех, кто не хотел говорить – сыворотка правды. При мысли об этом моё тело невольно содрогнулось... Однажды мне дали испытать на себе её действие. Нет, вовсе не из злых побуждений. Просто для того, *чтобы знал*. И потом уже, после того, переслали видеозапись, на которой я – вжавшись в угол на полу медкабинета, изо всех сил сжимая голову руками и дрожа от невыносимой боли, пока мой мозг выворачивался наизнанку и судорожно выдавливал из себя всё своё содержимое – говорил, говорил, говорил... Да и переслали тоже не из каких-то там извращенных намерений. Просто для того чтобы не забыть. Впрочем, я бы не забыл и так...

Итак, мы изливали перед Всеволодом Валентиновичем свои души, но делали это вовсе не потому, что так было нужно, а потому... потому что без этого, говоря начистоту, попросту

бы не выжили. Как бы мы ни хотели, как бы ни пытались строить из себя нормальных людей, скрытая до поры до времени латентная болезнь – ...*патология*, молодые люди... – давала о себе знать. А он, как никто другой, чувствовал нашу боль. Лет пятнадцать назад его дочь, тоже одна "из наших", покончила жизнь самоубийством... «Алексей, я упустил её, упустил!!! Понимаешь?! Не заметил первых симптомов, ей же было всего двадцать три, это слишком рано! Да, она могла стать гениальным переводчиком, у неё были все задатки... да, к сожалению, у не были все задатки...»

Я вытащил из стопки в гардеробной не совсем уж до неприличия застиранную серую футболку, натянул чистые джинсы и спустился во двор в тёплое сырое утро. Прямо за домом начиналось пустынное побережье и водохранилище, в этот ранний час томно лизавшее песчаный берег. Профессиональные пловцы и гребцы-байдарочники говорят, что в нашем воронежском море тяжёлая вода... что это означало наверняка, я не знал, но фраза «у вас в воронежском море тяжёлая вода» не вызвала во мне внутреннего протеста, поэтому я с ней соглашался... Я дошёл до стоянки, залез в свой чёрный, огромный как танк внедорожник – да, блин, да, Алекс! Сплошные понты, куда ж без них?! – и завел двигатель. Шесть часов утра. Для визитов, мягко говоря, рановато. Бессовестно рановато. Но даже если и так, ждать я не мог. Ночное открытие копошилось внутри тревожным червем, подгоняло – узнай, докопайся до истины, чего бы тебе это ни стоило... ты должен...

Я вырулил на второй этаж северного моста; всегда любил ездить по верхней эстакаде – ощущение, будто несешься прямо над водной гладью – и вдавил в пол педаль газа. Мэтт Беллами (за прошедшие пятьсот лет никто так и не сумел переплюнуть этих бритов из группы Muse) вкрадчиво нашептывал на староанглийском...

Don" t kid yourself... and don" t fool yourself...

This love" s too good to last... and I" m too old to dream...⁴

А насчет любви-то он прав. Ох, как прав... Я лихо завернул по крутому завитку развязочной эстакады, оставил по правую руку изумрудную пену крон в полузаброшенном парке Динамо, утонувшем в огромном овраге – здесь три года назад мы познакомились с Алей. Что ж, эта любовь была действительно слишком хороша, чтобы длиться вечно... Была?... А откуда же тогда эта хлесткая боль, стоит лишь в памяти проскользнуть её имени?

Я нервно усмехнулся, увидел своё лицо в зеркало заднего вида... да будь уж честен хоть сам с собой! Признай, что ты законченный идиот, который сломал, разрушил всё собственными руками...

– Нет, Алексей, ну что ты? Вовсе не рано. Не нужно извинений. В моём-то возрасте шесть часов – уже позднее утро. Проходи на кухню. Я как раз заварил восхитительный чай. С сагандайля. Что в переводе с давным-давно умершего бурятского языка означает "трава, продлевающая жизнь", знаешь такую? С самого Байкала привезли... А теперь и приятный собеседник на чай сам пожаловал.

Всеволод Валентинович сделал приглашающий жест рукой и улыбнулся. Болезненно осунувшееся лицо, очки в тонкой оправе, порядочный, замечательный умничка, интеллигент, наверное, в сотом поколении. Человек, с которым по-настоящему тепло и уютно. И взгляд – этот его взгляд, который всегда меня поражал. Полный глухой тоски и... искреннего, неподдельного интереса. Мало кто из людей сегодня смотрит вот *так* – с интересом. Ленятся? Боятся? Я предполагал, что и то, и другое, потому что смотреть на кого-то с интересом озна-

⁴ Не обманывай себя... и не лги себе... Эта любовь слишком хороша, чтобы длиться вечно... а я слишком стар, чтобы мечтать... композиция 'Blackout' группы Muse из альбома 'Absolution' 2003 года.

чает не бояться показать свою слабость и не лениться взять на себя ответственность, верно? А многие ли сегодня на это способны? Куда как проще отгородиться ото всех и вся стеной равнодушного взгляда...

Короче говоря, с ним мне было спокойно и хорошо, не то что с отцом, хотя тут и сравнивать-то нельзя. Мои отношения с отцом – отдельная история... С женой Всеволод Валентинович развелся; она так и не смогла простить ему, что он не сумел спасти их дочь. Да он и сам не мог себе этого простить. Заживо ел себя за то, что не сумел сделать невозможное, остановить цепную реакцию деградации, когда одна за другой рвутся, рушатся нейронные сети и нейроны пускаются в дикий дьявольский пляс, и ты не в силах удержать их, склеить разбившийся на миллионы осколков мир...

– Алёш, что-то случилось?

Янтарный травяной настой ударил о белоснежную гладь пиалы, омыл её, едва не выплескиваясь наружу, закрутился истекающей паром воронкой.

– Да нет, в общем-то, нет. Просто хотел спросить... – я запнулся. Ничего не случилось? И потому ты примчался к человеку в субботний день ни свет, ни заря?

По кухне растекался терпкий пыльный аромат сагандайля, травы, которая продлевает жизнь, а за окном ударили по стеклу первые тяжёлые капли дождя.

– Да, на следующей неделе начинается тренинг по восстановлению матрицы русскоязычного мышления. И я бы очень хотел, чтобы ты на нем появился. Когда ты в последний раз был на восстановительных программах?

Я пожал плечами. Кажется, с полгода назад... сам знаю, что давно, необдуманно...

– Вот то-то и оно. Пока тебя не возьмешь за ручку и не отведешь туда едва ли не силком... Алёш, тебе как никому нельзя ими пренебрегать. Ты же работаешь даже не с одним языком, как многие, а, как минимум, с десятью. Да ещё и болтаешь на них, как на своём родном. Меня это очень тревожит...

Всеволод Валентинович отставил чашку и сдвинул ладонями виски.

– Поверь мне. Я не хочу потерять никого из вас. А ты, как никто, ходишь по грани. Слишком глубокое погружение каждый раз. А такие радикальные и регулярные перестройки ментальных структур, как у тебя, ни к чему хорошему не приводят, сам знаешь... с этим не шутят.

Я молчал. Плотная завеса дождя за окном, как оплывшая линза старинного кинескопа, размывала город, лишила его четких контуров, смешала краски. Старый-старый-престарый мир, от скуки предающийся всё более изысканным извращениям и порокам... и, сколько себя помню, соперничество между нами двоими, кто – он или я – исказит реальность причудливее и больнее... соперничество, в котором я в конце концов обречён на победу – и на поражение... Но почему же тогда в этом мире мне так хорошо и уютно?.. Ливень хлестал по стеклу, перерисовывая реальность крупными, смелыми мазками импрессионистов – кто там из небесных живописцев сегодня назначен ответственным за написание картины мира? Ах да, сам божественный Клод-Оскар Моне... – и нашептывал мне ответ на мой вопрос «...потому что этот мир твой... твой... твой...»

– Да, Алёш, не хотел тебе об этом говорить... но первые признаки я заметил уже давно.

– Какие признаки?

Я отвел взгляд от окна. Как видишь, счет снова сравнялся. Один-один.

– Ну, взять хотя бы то, что у тебя произошло с Алиной. Твоя реакция была абсолютно неадекватной, согласен? Я бы даже сказал ненормальной. Ты же хотел на ней жениться? И что?

– И что?! Вы не понимаете, она сделала аборт! Убила моего ребенка!.. А я...я... – я задохнулся, – я даже не знал! Вернее, узнал случайно, она мне даже не сказала! Не предупредила о том, что беременна! Для неё это было неважно, понимаете?!..

По венам полоснула волна жгучей боли, прокатилась до самых кончиков пальцев и закрутилась там раскалённой воронкой, вытягивая из тела ниточки нервов. «...Один-два в твою пользу...» – шепнули мне из-за стекла. Я с ненавистью посмотрел на дождь, отвернулся от окна и наткнулся на внимательный взгляд.

– Так зачем же ты пришёл?

Я заколебался. А, может, мне действительно всё привиделось? Официально считается, что в ново-китайском языке существует два слоя, что обусловлено раздвоенной структурой их сознания. Два слоя мышления – два слоя языка. Всё чётко и понятно... если, конечно, слова "чётко и понятно" вообще применимы к чему-либо китайскому... Если объяснять совсем просто, то первый слой – это главная тема разговора, а второй слой, чуть более смещённый в сторону подсознания, затрагивает более глубинные темы и ведет, так сказать, побочный сюжет. Первый слой передается первичными, основными значениями слов, второй слой – вторичными значениями, скрытыми в сложной графике иероглифов, нюансами и оттенками смыслов, подсмыслами, интонациями, специфическими синтаксическими конструкциями и речевыми оборотами. Вследствие подобной специфики языка синхронный перевод в новокитайском как таковой был невозможен. Да и о каком синхронном переводе могла идти речь, если на одном уровне с вами обсуждали условия протокола сотрудничества между российской и китайской компаниями в рамках последнего межправительственного соглашения, а на втором уровне мягко критиковали российскую внешнюю политику с отсылкой к великому Лао-Цзы? Поэтому переводили последовательно, сначала первый, затем второй слой. Из одной книги на ново-китайском получалось две книги на русском. В голове у китайцев два слоя сознания мирно уживались друг с другом и гармонично взаимодействовали между собой, порождая невероятное по красоте, своеобразию и сложности мировосприятие – и, конечно же, язык. Страшный сон для переводчиков. За гранью понимания для всех остальных – непосвященных, иноязычных.

Я сам был наполовину монголо-китайцем, наполовину чистейшим русским. Благодаря моему отцу, а вернее его странной, полутайной-полузапретной любви к девушке-китайке, переводчице при российском консульстве в Гонконге. Поэтому ново-китайский был для меня почти что родным.

"Почти", потому что, несмотря на суженный – котовый, как, ластясь, говорили девушки – разрез глаз и высокие азиатские скулы, в меня намертво впечаталась, перетекла вместе с отцовской с кровью и генами та самая неизбывная и никем до конца не изученная и не понятая матрица русскоязычного мышления. Я чувствовал язык Поднебесной, наслаждался им, как юркий лазурный дракон купался в двух потоках его небесной реки... Но третий слой? Нет, это невозможно... Я выдохнул. Ладно, была не была...

– Всеволод Валентинович... мой вопрос может показаться вам немного странным... Но я знаю, вы интересуетесь синологией, поэтому решил обратиться к вам... Вы ничего не слышали о третьем слое в новокитайском? Может быть, кто-нибудь из переводчиков говорил вам, что ему показалось... Или какие-то исследования нейролингвистов? Ну, я не знаю, любая информация... ничего не проскакивало?

– Третий слой?! Ты уловил третий слой в ново-китайском?!!!

От неожиданности я дернулся. Всеволод Валентинович навис надо мной, тяжело дыша, вцепившись трясущимися руками в край стола – нездоровый, лихорадочный блеск в глазах за тонкими линзами очков, и...

...абсолютно неуместное в этой ситуации мелодичное позвякивание дорогих фарфоровых пиал о блюда.

– Где?! Каким образом?! Чья-то речь? Переговоры? Контракты? Книга? Да говори же!!! Говори!!!

Я вжался спиной в подоконник. Ох, не надо было, не надо... Ливень за окном превратился в поток водопада, безжалостно смывающий к чертям этот мир. И в чью же пользу теперь у нас счет?

– Да нет, Всеволод Валентинович... Вы неправильно меня поняли. Ничего я не уловил. Так, сон приснился, слишком реалистичный, – я выдавил из себя неуверительную улыбку. – Вчера повеселились с друзьями, немного перебрали... Не спалось утром, захотелось с кем-то поговорить... Вот, вспомнил о вас и приехал...

– Но вы знаете, мне уже нужно идти. Спасибо вам за чай... – мне удалось выскользнуть из-за стола, и теперь я медленно пятился в сторону коридора, не сводя с собеседника глаз. Как в детстве, когда в каком-нибудь закутке безжалостно выжженного солнцем приютского двора, среди жухлых перьев травы на раскаленной терракоте кто-то из нас обнаруживал случайно заползшую кобру, и нужно было не сдрейфить перед друзьями, да и перед самим собой (ты что, слабак?!). – медленно, глядя в черные бусины глаз и не прекращая тягучей, ласковой скороговорки, приблизиться к настороженной змее и молниеносно (а слабо быть быстрее неё?) схватить её чуть ниже головы, так, чтобы не смогла извернуться, дотянуться до голой загорелой руки ядовитым жалом. Тело холодело от страха, кровь замирала и едва пульсировала в венах, и казалось, что сам вот-вот превратишься в холодную, кожистую тварь.

«...Ляо-Ша, здорово у тебя получилось! Ты прямо с ней разговаривал! А она тебя слушала! Ты прямо змееуст... Дай, дай мне поддержать!...» Восторженные голоса друзей, разливающаяся внутри горячим теплом гордость и змеиное тело, упруго обхватывающее руку... Мне стало смешно. К чему это вспомнилось именно сейчас? И без того, поди, глупо выгляжу со стороны – потенциальный псих пытается сбежать от психиатра...

– Я обязательно приду на тренинг на следующей неделе... Клянусь... А теперь я пойду, ладно? Не буду мешать вам работать, да и самому тоже надо, сроки горят...

Он поймал меня за рукав уже у самой двери.

– Лёш, я тебя напугал, извини... Не хотел, – Всеволод Валентинович устало провел ладонью по лбу.

– Напугали? Нет, что вы...

– Ну я же вижу, напугал, – он утомленно улыбнулся. – Сам знаю, что порой не могу себя сдержать. Слишком болезненная тема... Хотя сейчас уже чуть отпустило. Чуть легче стало. Время всё же лечит... даже самые неизлечимые раны. К сожалению или к счастью... Ты же знаешь, моя дочка тоже переводила с ново-китайского. Да, она работала и с другими... неблагоприятными языками – арабским, языком свистящих. Но всё это произошло, когда она переводила именно с ново-китайского, понимаешь? Какой-то дурацкий пакет контрактов на поставку медицинского оборудования. Ничего особенного. Я сотни раз перечитал переводы первичного и вторичного слоев. Ничего. Вообще ничего. Всё стерильно. На втором слое бездарные стихи о любви. А она сгорела на этом переводе буквально за пару месяцев! И я ничего не смог сделать, даже не успел понять, что происходит, упустил её! Всё произошло слишком быстро!

– Поэтому Лёш, я тебя прошу... Если ты действительно что-то узнал, почувствовал, помоги мне докопаться до правды! Мне это важно, нужно, понимаешь?! Чтобы остаться... человеком. Подожди минуточку, я сейчас...

Всеволод Валентинович исчез в лабиринтах своей квартиры, через пару минут появился и сунул мне в руку прозрачную пластинку флэшки.

– Вот, здесь снимки тех контрактов. Я думаю, что ты действительно что-то почувствовал. И это был не сон, я прав?

Я промолчал. А что мне прикажете делать – рассказать обо всем начистоту? И о том, что прочитал на третьем слое, тоже?! Нет уж, пока что я в здравом уме...

– Алёш, честно говоря, я не знаю, насколько в принципе возможно существование третьего слоя. Ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Почему об этом никто не

говорит? Сами китайцы знают о нем, но умалчивают? Вряд ли такое возможно... какая-нибудь информация всё равно бы, да просочилась. Если он действительно существует – это сенсация. Но мне плевать на эти сенсации. Понимаешь, плевать! – голос Всеволода Валентиновича мелко дрожал. – Я не собираюсь никому ни о чем говорить! Я просто хочу узнать, почему погибла моя дочь. Кто в этом виноват. Алёша, пожалуйста, помоги мне...

Чёрт, чёрт... Я выскочил за дверь, бормоча скомканные извинения. Какой же ты идиот! Зачем внушать человеку надежду, когда... Когда что? С чего ты, собственно говоря, вообще начал дергаться? Что больше всего тебя поразило – возможность существования третьего слоя в языке Поднебесной или тот смысл, что ты уловил? Ах да, а что именно там было? Какой-то богохульный бред про бога, который, как мальчик по вызову – "развратный юнец" – исполняет людские прихоти? Да в такое можно поверить, только проснувшись посреди ночи после бессовестной, безбашенной пьянки!

Я вдавил педаль газа в пол так, что шины мерзко скрипнули по асфальту, хамски подрезал какого-то пижона в вычурном кабриолете и вырулил на Большую Толмачеевскую. Что ж, чувства юмора воронежским архитекторам не занимать. Застроенная низенькими древними домишками, судорожно вцепившимися фундаментами в крутой склон, узкая улочка затейливо-извилистой змейкой спускалась от университетского холма к водохранилищу. Знаменитая "Башня переводчиков", а точнее штаб-квартира Всероссийской гильдии переводчиков, располагалась почти на середине спуска, там, где улочка делала особенно крутой разворот при 40-градусном уклоне – страшный сон для автомобилистов и пешеходов, особенно в скользкие гололедные зимы.

Почему-то – я не мог найти этому никаких разумных объяснений – я не любил эту башню. Это уродливо-приземистое сооружение, гигантской улиткой притулившееся на склоне холма, вызывало у меня неосознанное чувство отвращения. Плод странной, даже больной, на мой взгляд, фантазии тогдашних архитекторов – и переводчиков. Строили-то на свои деньги, скинулись в обшак, и выбрали именно этот проект – почти что точную копию Вавилонской башни с мрачных картин "мужицкого" голландца Питера Брейгеля Старшего, так любившего изображать калек. В Москве тогда, триста лет назад, строить башню не разрешили. Сослались на то, что московский-де университет выпускает всего около полусотни переводчиков в год, а воронежский в два раза больше. Оно и понятно, кому хочется иметь у себя под боком толпу потенциальных сумасшедших? Подальше их от столицы... Хотя насчет "толпы", конечно, я преувеличил. Какая там толпа, когда людей "с особыми задатками" из года в год на всю страну рождается, дай бог, с пару сотен? А в Европе на все страны и столько не наберется. Нас вычисляли с самого детства, лет с пяти, а кого и раньше, и потом уже не спускали с нас глаз, контролировали, опекали – элитные школы, лучшее образование, завидное финансовое благополучие – но всё это с плохо скрываемым налетом настороженной брезгливости. И я прекрасно их понимал. Будь я на их месте, точно так же относился бы к эвентуальным психам, от которых и избавиться бы от греха подальше, да не можешь – потому что без них не можешь... Такой вот невеселый каламбур... да...

По небу клочьями грязной ваты неслись облака. Я притормозил на узкой парковочной площадке, стрех сторон плотно заросшей кустами бересклета, спрыгнул на мокрую плитку и подошёл к башне. Остановился в нескольких метрах у массивного подножья, закинул голову и внимательно – да чего уж там, *подозрительно* — осмотрел её ярус за ярусом, сверху вниз. Традиционный ритуал... Итак, Алекс, всё хорошо, всё в полном порядке... Как видишь, ничего не изменилось. Но откуда же тогда, какого чёрта, опять, опять, как и всякий раз, эта тянущая глухая тоска и страх? Спокойно... Сейчас ты поднимешься в свой кабинет... где он у нас сегодня? Секундочку, нужно подумать... на пятом ярусе? Да, точно, на пятом. На пятом ярусе, который *должен* быть ярко-алого цвета. Почему они не облицевали эту башню плиткой, как ту, первоначальную? Пятый ярус *должен* быть выложен плиткой алого цвета – нет, не красного,

а именно алого, чистого и пронзительного, как насыщенная кислородом кровь. Откуда я это знаю? Да откуда?... Об этом лучше не думать, Алекс, да, вот именно, об этом лучше не думать – ни сейчас, ни потом, никогда...

Я подошёл к башне, на мгновение прижался лбом к холодной, чуть влажноватой стене с проплешинами изумрудного мха – как и всегда, мне показалось, что я ощутил утробное биение её пульса – и начал подниматься по внешней круговой лестнице на пятый *алый* этаж. Лестница была старой, с выщербленными каменными ступенями. Шириной около двух метров, она плавным серпантинном опоясывала снаружи башню и доходила до самого верхнего, седьмого яруса – немного немало, а высота 90 метров. И при этом никаких ограждений, даже номинальных декоративных перилец! О чём только думали её строители?!

Ступени были мокрыми после дождя, в заполненных водой выбоинах играло лазурное небо, и я прыгал через это небо, через две-три ступени, и беспокойно-радостный утренний ветерок путался в моих волосах и футболке, а я поднимался всё выше и выше, туда, где неслись ватные облака и чёрными молниями резали воздух стрижи, и город оставался внизу... От переполнявшего меня восторга я едва не промчался мимо массивной медной двери, на которой были выгравированы полуистертые буквы... «Есть в башне некий свет возвышенной дороги, ведущей вглубь небес по неземной траве. И на ступень взойдя, мы все – немножко боги, а выше правит он – немножко человек...»⁵

Интересно, почему сегодня башня снова закинула мой кабинет на пятый ярус? За все эти годы она ни разу не спускала меня ниже четвертого этажа. Это случайность, лотерея или... что или? Тайный умысел? Ох, Алекс, расслабься. Ты же знаешь, что латентная паранойя – не лучшее из твоих человеческих качеств. Башня тасует помещения в произвольном порядке, в соответствии с заложенной в неё компьютерной программой... Я улыбнулся, толкнул тяжёлую дверь, поприветствовавшую меня привычным скрипом – двадцать седьмой век на дворе, чёрт возьми, а петли скрипят, как во времена великого потопа – и ступил в прохладную полутьму.

Призрачный лунный свет бесшумным водопадом стекал по каменным ступеням. Какая-то нехорошая сегодня луна. Ох, нехорошая... Круглая, плоская. И свет у неё нехороший... Неживой. А ещё хуже, Алекс, то, что ты пьян. В задницу пьян. Ну да, экватор – это событие. Весь третий курс переводческого факультета сегодня нализался как никогда слаженно и дружно... Но ключи-то от дома в этой треклятой башне забыл один ты... И на какой же ярус она успела перетасовать твой кабинет? На самый верхний, восьмой? Интересно, почему не на крышу? Вон к Денису она относится куда милосерднее, чем к тебе, – первый, второй, никогда выше третьего не поднимает... Везунчик... Так, а на каком ты сейчас? На четвертом, синем... Да, а с чего ты вообще взял, что он синий? Терракотовый, как и все остальные...

Меня шатнуло особенно сильно, так что внизу по правую руку в болоте лунного света мелькнули чёрные кроны деревьев. Сорок метров до земли!

Я покрылся холодной испариной и вжался спиной в стену. Чёрт тебя дёрнул карабкаться пьяным по внешней лестнице на самую верхотуру! Придурок... Сейчас, минутку, переведешь дыхание и дальше осторожно, не спеша, вдоль стеночки, до первой же двери, а там уже по внутренней лестнице... Правильно: осторожно и не спеша, вдоль стеночки... Главное, чтобы за это время башня не скинула твой кабинет с заветными ключами куда-нибудь на первый уровень. Вот смеху-то будет... Я хихикнул... Да, Алекс, ничто не постоянно под луной. Особенно под *такой* луной. Ни твоя жизнь, ни твои гениальные мозги... Ни даже эти стены... Вот смотри-ка, только что были глиняными, шершавыми, и уже на тебе – ровные, гладкие, выложенные глазурованными изразцами цвета азуриковой сини...

⁵ Из стихотворения Сергея Корчицкого «Башня»

Азуритовой сини?! Я отдернул руку, как ошпаренный, отпрянул назад и рухнул на колени, судорожно вцепившись пальцами в края лестницы. Ступени под ладонями почему-то выщербились, изъелись, изрезались неровной мозаикой. Тягучая ночная тишь раскололась и рассыпалась мелкой стеклянной пылью. Внизу подо мной, у самого подножья башни, там, куда изливался этот водопад мертвяцкого лунного света, гудела, взрывалась криками и колыхалась темной жижей толпа. Дымящиеся факелы выхватывали из толпы искаженные эйфорией лица. Я медленно поднял голову. Надо мной, вместо ненавистной, но так хорошо знакомой "Башни переводчиков", уходил ввысь, упирался в небо гигантскими золотыми рогами одновременно божественный и святотатственный в своём вызывающем великолепии многоцветный языческий зиккурат.

Я осторожно разжал пальцы и попытался отползти от края лестницы, но мне это не удалось. Ноги запутались в ворохе плотной ткани... и что тут у нас? Ах да, разумеется, плащ. Куда ж без плаща?.. Да, Алекс, не очень-то богатая у тебя фантазия, нечем похвастаться, прямо сказать. Уж после такого дикого количества выпитого алкоголя мог бы нафантазировать что-нибудь не столь банальное... А ещё бы лучше остался в джинсах, как привычнее. Так, а где твой меч? Меч должен быть обязательно, это ж неизменный атрибут... Я пошарил рукой в складках ткани и – вот ведь, как угадал! – нащупал у левого бедра узкие ножны. Для меча слишком короткие, для кинжала длинноваты. Что за странное оружие? Акинак? Хотя какая разница. Главное, что оно есть. С оружием всегда чувствуешь себя безопаснее. Даже во сне. Особенно во сне...

Тревога хлестнула неожиданной пощечиной резко, наотмашь. Сердце сжалось в маленький тугой комок и замерло. Будто вдруг кто-то содрал с этого мира полупрозрачную защитную пленку, и тот стал *моим* – безжалостно *моим*, до боли, до тошноты... Я инстинктивно вцепился в рукоять меча. Воздух... даже воздух стал хорошо знакомым, родным... как же ты истосковался по этому воздуху, пришелец.... воздуху, что сочится сладковатыми ароматами драгоценных смол, отголосками гортанных чужеземных наречий, пряной вязкой тоской... Этот мир твой, Накиру, пришелец, твой... *и ты должен ему отомстить*... Гул толпы внизу стал громче, она зашевелилась, как огромная стая светляков. Что-то огромное, сверкающее, золотое качнулось метрах в ста впереди. Неверные отблески факелов пробежали по округлым бокам золотого исполина, великого владыки богов Мардука. Несколько минут гигантская статуя медленно покачивалась на месте, затем приподнялась и поплыла прочь от башни, уводя за собой людей. Когда гул смолк, я разжал сжимавшую рукоять меча ладонь и мягко повалился на бок, глядя в чёрный провал неба... Также нельзя, *нельзя!* Так нечестно... это всего лишь сон...

Внутри башни царил полумрак. Я притворил за собой массивную дверь и коротко бросил: – Зажги свет.

В узких нишах послушно засветилась гирлянда ламп, залив желтоватым светом длинный извилистый коридор. Я ступил на подвесной пол, и некрашенные старые половицы сухо скрипнули под моими ногами. В своё время башню построили с так называемой изменяющейся геометрией пространства, и теперь она тасовала кабинеты, библиотеки, конференц-залы и подсобные помещения, как и когда ей вздумается. Кошмар для обслуживающего персонала. Впрочем, самым переводчикам особых неудобств это не доставляло. Говорят, будто башня как-то считывала наши мыслительные паттерны, анализировала и синтезировала их и затем развлекалась, играя с нами в гигантские пространственные пятнашки.

Было ли это так на самом деле или нет, никто не знал. За последние лет сто никто так и не удосужился залезть в храм – на самый верхний, восьмой ярус, где скрывался головной мозг каменного монстра, центр управления башней и её главный компьютер. Да и зачем? Башня исправно делала своё дело, так что уже на подходе к ней я, да и любой мой коллега, всегда точно знал, где и что она разместила на этот раз.

Я прошёлся по узкому коридору, свернул налево... и что тут нас? Ну конечно же, архив арабистов... Кто бы сомневался... Платочек булгаковской Фриды... Ты делаешь *это* специально, да? Я с ненавистью посмотрел на стены. Сколько ещё ты будешь напоминать мне об этом?! Демонстративно не глядя по сторонам, я промаршировал мимо створчатых, кружевной ковки воротец архива и пнул ногой дверь в свой кабинет. Ладно же, хорошо...

С арабского решался переводить далеко не каждый. Переплавленные в единое целое в раскаленном ближневосточном тигле семитская и хамитская языковые ветви, приправленные острыми пряностями бербероливийских диалектов и восстановленного в иврите древнееврейского, настоянные на древнейших субстратах аккадского, финикийского и арамейского, дали невероятную по красоте и чудовищную по своему воздействию языковую смесь. Попросту говоря, арабский язык был наркотиком. На сознание иноязычных он всегда действовал как легкий психоделик, даже если вы обсуждали политико-финансовые вопросы на межправительственных переговорах или перекидывались с гостиничным портье парой слов о погоде. Его действие заметно усиливалось, если вы решали пофлиртовать с симпатичной бойкой магрибкой или поторговаться на рыночных развалах из-за понравившегося клинка – «Посмотрите, господин, на эти крупные кольца с волнистыми прядями... это же настоящий хоросанский булат...⁶ а эта тугра, спрятанная в восхитительном арабеске! Вы знаете, чей это знак?!.. Возьмите его в руки, возьмите... О, господин, да в ваших руках меч становится живым! Мои наивысшие похвалы господину...», и вы чувствовали, что уже не в силах сопротивляться, устоять перед медовым шербетом грёз, в который погружало ваше сознание эта гортанная, с напевно-тягучими эль скороговорка. И, наконец, арабик превращался в настоящую, убойную наркоту, если... ну, если читать или слушать *те самые* запретные и вожаденные наркотические стихи.

Наркотические стихи были главным предметом контрабанды, которым Объединенные Восточные Эмираты снабжали весь мир. И единственным, для которого невозможно было перекрыть границы. По своему спектру и интенсивности действия они имитировали все виды наркотиков, когда-либо созданных человеком, от растительных галлюциногенов до высококонцентрированных синтетических опиатов. Употребляли их по-разному. Иногда просто слушали тягучие полу-декламации полу-напевы. Иногда всматривались-вчитывались в курсивную, вьющуюся бесконечной спиралью вязь букв. Тайна этих стихов заключалась в том, что действовали они на человеческий мозг в любой форме, даже если человек ни слова не понимал по-арабски и едва различал отдельные буквы в хитросплетениях насталика или цветущего куфи. Но самое тонкое и изысканное, извращенно-болезненное наслаждение достигалось только тогда, когда человек знал перевод. Ясно, что переводы эти заказывались, скажем так... по неофициальным каналам и оплачивались весьма и весьма щедро. Чего там греха таить, я был знаком с этим продуктом арабской культуры. Больше из любопытства. Изредка соглашался перевести легкие небольшие стишки... ну и дома обычно валялся пяток-другой, для себя, *про запас*... Проблема была в том, что эти стихи были фактически одноразовыми. Прочитав или прослушав их единожды, во второй раз человек не получал и сотой доли первоначального кайфа. А на третий раз... на третий раз они превращались в бесполезный набор букв... За настоящие "тяжёлые" стихи я взялся всего один раз. Мне нужны были деньги. Много денег. И я готов был заработать их любым путем. Обрадованный моим согласием заказчик, известный питерский мафиози, лично приехал в Воронеж, чтобы передать мне переплетенный вручную пухлый альбом со страничками из полупрозрачной папиросной бумаги...

Через полтора месяца я перестал появляться на работе. Дни проводил в полусне-полуяви, с наступлением сумерек открывал альбом, быстро – пока не начало действовать – переводил один-два стиха, продираясь сквозь пьянящий затейливый ажур насталика. А потом *всё* теряло

⁶ Булат, изготавливавшийся в провинции Хоросан, Персия. На Востоке считался булатом высшего качества.

свой смысл и реальность, всё, что было внутри меня и вовне, оставляя лишь одно-единственное желание – следовать за этой тонкой нитью, уводящей в вязкое болото сладострастно-томительного бреда. Наслаждение нарастало крупными, стремительными всплесками и вскоре становилось таким острым, что я корчился от него, как от невыносимой боли, со стоном катаясь по полу, тонкая струйка слюны стекала у меня изо рта, но мне было всё равно... только ещё раз, ещё один раз пережить этот безвольный, бесконечный оргазм.

– И зачем ты это делаешь? – голос Всеволода Валентиновича был ровным и тихим, как парящие за окном снежные хлопья. Он сидел напротив на низком диванчике и спокойно смотрел на меня. А я лежал на полу перед окном и смотрел на перламутрово-серое с мальвовыми прожилками небо, из которого мерно сыпалась невесомая белая вата. Интересно, что у нас сейчас – утро, день или вечер? Сколько времени он вот так сидит и смотрит на меня? Ты идиот, забыл закрыть дверь. Теперь давай, вперед – оправдывайся, изворачивайся, отвечай...

Я с трудом сел, привалившись спиной к стене. Голова кружилась от невероятной легкости, казалось, качни я ей посильнее, и она оторвется от тела и улетит к потолку, как наполненный гелием воздушный шарик.

– ...мне нужны деньги...

– Зачем?

Ватная снежная тишина просачивалась сквозь неплотно прикрытую балконную дверь и заполняла собой комнату, смешиваясь с сизой гущей сумерек... Зачем мне нужны деньги?... Та последняя поездка в Сянган оказалась сумбурной и непонятной. Привычный цейтнот по времени, сложные запутанные переговоры, стопки сопутствующих документов, которые нужно было перевести срочно, срочно! И странная встреча с дядей, маминым братом, который – первый раз в жизни! – напился при мне подогретой тут же, на маленькой настольной жаровне рисовой водкой и расплакался, некрасиво размазывая слёзы рукавом дорогой шёлковой ифу с переливчатыми бабочками, нелепо порхавшими по его грузному телу. «...Ляо-Ша, мальчик, я виноват перед тобой»... пьяный всхлип. Ну и развезло же дядьку всего-то после пары рюмок! ... «Мне даже не разрешили взять тебя в семью! Они сделали всё, чтобы... Если бы сестра осталась жива, твоя жизнь не пошла бы под откос...» Ещё один пьяный всхлип... «Но я доволен моей жизнью, дядя Хэй!» «О чем ты говоришь, сынок? Разве у тебя – жизнь? Это путь к безумию»... «Дядя Хэй, но что значат твои слова "они сделали всё"? Кто они? И что они сделали?» Долгое молчание, ещё пара приземистых рюмочек нежно-зеленоватой водки с тонким, мучнистым привкусом риса. «Ляо-Ша, она же попала в ту аварию неслучайно. В этом мире ничто не происходит случайно, ты же знаешь...» На этом последнем признании дядя замолк наглухо и намертво. На следующий день я обшарил весь огромный, разваливающийся от старости и пустоты, как антикварный шифоньер, дом, доставшийся мне от мамы, но ничего подозрительного не обнаружил. Никаких намеков на то, какая трагедия могла произойти здесь больше двух десятилетий назад, о которой намекал пьяный дядька... Услуги частного детективного агентства с хорошей репутацией стоили очень дорого, а, учитывая давность событий и моё требование абсолютной и безусловной конфиденциальности, мне назвали такую астрономическую сумму, что я медленно осел на кресло в приемной.

– Я не могу сказать вам, зачем мне нужны деньги.

И снова тишина. Словно падающий за окном снег методично пожирал все сущие в этом мире звуки.

– И сколько тебе должны заплатить за перевод?

Я назвал сумму. Весьма немалую, по моим меркам.

Всеволод Валентинович молча достал чековую книжку, стремительным росчерком вписал в не названную мной цифру, и бросил сухо и резко, протягивая мне чек:

– Не смей больше братья за эту мерзость.

И, вышел, не оглядываясь и не прощаясь, будто бы меня и не было в этой комнате, да и вообще в этом мире, громко хлопнув входной дверью.

На следующий день я пошёл на работу. И на следующий день тоже. На третий день, крадучись и таясь от самого себя, я аккуратно запер двери своей квартиры, достал из глубины кладовки квадратный, в массивном ручном переплете альбом и раскрыл на последней странице. Вечерние сумерки мягко вползли в комнату. Лампу зажигать я не стал. Обратноповёрнутое руническое прядево настилика влекло за собой, манило, звало... Я осторожно провел пальцами по чёрному ажурному букву, чуть выпуклому на тонкой папиросной бумаге... Алекс, всё будет хорошо...

не противься нам, иди за нами...

...мне не хватает дыхания, чтобы глотнуть этот мир, протёрто моё сознание до призрачных, сказочных дыр...⁷

...мммм... как сладко...

Безлюдная заснеженная равнина; низкое и мрачное зимнее небо умиротворено сыплет на землю невесомые снежные хлопья. Справа и слева – смутные контуры леса; далеко впереди, как будто бы в ином мире, редкие огни, и... едва протоптанная кем-то извилистая тропинка, по которой иду я. Ощущение чистого холода на коже. Ощущение чистого холода на душе. И сладостный, почти сладострастный покой и безмятежность. Это и есть моё убежище. Мой рай. Сумеречный, выставший рай... рай для меня одного.

На следующее утро я с отвращением стянул с себя влажные от мочи джинсы, отнес альбом в туалет и около получаса, методично разрывая его на страницы, спускал в унитаз.

Когда мой питерский заказчик узнал о том, какая судьба постигла почти переведенный сборник наркотических стихов, обошедшийся ему, как я подозреваю, в небольшое состояние, я чуть было не повторил его участь. Я имею в виду утопление в унитазе. Меня спасли крепкие ребята из спецслужб. Ворвались в квартиру, безжалостно разделавшись с входной дверью и моими мучителями... Пожалуй, в первый и единственный раз я был рад тому, что нас, толмачей, держат под бдительным присмотром органы безопасности. После того случая я по-настоящему сорвался на наркотических стихах всего один раз, когда... ну, в общем, когда я узнал, что у меня должен был... мог бы родиться сын.

Мой пустой и гулкий кабинет оказался затоплен солнечными лучами, упрямо пробивавшими себе дорогу сквозь прорехи облаков. Эти лучи отражались от огромного – во всю левую стену – мозаичного панно из многоцветной смальты и раскрашивали пол и противоположную стену россыпью мелких радужных пятен. Проходя мимо, я привычно провел кончиками пальцев по неровной мозаике, на которой странная река неспешно несла свои мутно-охристые воды, испещренные прожилками сизых бликов, под выжженным аметистом неба. Через реку был перекинут плоский деревянный мост на массивных каменных быках. Левый берег был затянут поясом крепостной стены из красного кирпича, правый утопал в купах пальм. Что это была за местность, я не знал, но пейзаж почему-то казался смутно знакомым. По углам мозаичная картина отсырела и обвалилась. Надо будет покопаться в архивах, узнать, кто из моих трудолюбивых предшественников выложил эту роскошь. До меня кабинет пустовал больше ста лет, и я, став его полноправным хозяином, оставил в нем всё, как было – грубо оштукатуренные голые стены, скрипучий паркетный пол, громоздкий антикварный стол красного дерева рядом с высокой аркой окна и роскошное мозаичное панно, которое, собственно говоря, и определило мой выбор. Впервые я попал в эту комнату ярким и спящим январским днем и

---

⁷ Стихотворение «Блажь», автор НМ, взято с сайта www.svistok.ru. Огромнейшая благодарность автору!

замер на месте, ошеломленный и растерянный, стоя в потоке струящегося с панно радужного многоцветья.

Мой загранпаспорт лежал на рабочем столе посреди живописных бумажных развалов, где я его и оставил. Растяпа. Я взял тонкий пластик, до отказал набитый всяческой информацией о моей персоне, начиная с отпечатков пальцев и параметров радужки глаза, заканчивая выданными визами, сроками визитов, уровнями допуска и прочей ерундой, и сунул его в карман. Ничего не меняется в этом мире. Ничего. Время остановилось, законсервировалось, испуганный мир впал в летаргический сон и будто бы ждал какого-то – хотелось бы надеяться, не апокалипсического – чуда, чтобы выйти из своей зомбической комы...

Я обошёл вокруг стола и плюхнулся в кресло. Так, что тут у нас? Толстенная пачка всяческой предварительной, сопроводительной и согласовательной чепухи для визита правительственной делегации в Великое и Справедливое Африканское Государство. Да уж, справедливое.

Я хмыкнул. Разделились на касты, которые дипломатично назвали "социальными группами", каждой едва ли не насильно насадили свой язык: низшим кастам попроще и попримитивнее, высшим кастам посложнее и попродвинутее. Разумеется, всё из благих намерений, как же иначе? Но язык... язык-то, он, как известно, определяет сознание. Формирует его структуру вплоть до физиологического уровня, предопределяет мировосприятие и будущие ожидания его носителей. Результат был вполне предсказуем и описывался одним словом "доигрались": у каждой касты своя культура, литература, профессии, образ жизни и виды на будущее. И почти генетическая межкастовая несовместимость. Всего таких социальных групп существовало около полусотни, истинной глубины разрыва между ними никто не знал, поскольку справедливое африканское правительство не очень-то стремилось распространяться о своих внутренних делах. Лично я знал с десятков африканских языков – главным образом, высших каст политиков, военных, финансистов, служителей культа и пр., несколько языков низших каст, выученных исключительно ради любопытства и, разумеется, язык-модератор, обеспечивавший минимальный уровень межкастовой коммуникации.

Я перелистал документы. Работы на пару недель, не меньше. Ну да ладно, до поездки ещё два месяца, так что если смотаться на несколько дней в Сянган... быстренько и потихоньку, одна нога здесь, другая там... то успею перевести по-любому... Ах да, через две недели ещё приезжают французы, и меня уже вписали к ним ведущим переводчиком. Любят меня в европейском департаменте МИДа, ох любят, чёрт бы их побрал... Но французы – это легко, особо готовиться не нужно.

Я оттолкнулся ногой от стола и, выполнив на кресле точно рассчитанный пируэт – отъезд назад на три метра с 160-градусным разворотом (два года тренировок!) – остановился прямо напротив широленной арки окна. Ультрамариновый глянец водохранилища, перетянутого темными ремнями мостов, грязно-белые паруса многоэтажек на левом берегу, и, если приподняться на кресле, до боли знакомый двухэтажный дом Али среди приземистой старинной застройки правобережья. Станный город Воронеж, разрозненный, калейдоскопный... как будто кто-то, без всякой цели и замысла, черпнул по пригоршне всего, что было под рукой – мрачноватой исторической мистерии и сверкающего футуризма, щемящей душу красоты и показушного уродства, божественной гениальности и беспардонного жлобства – смешал, растоптал ногами в старом мешке и бездумно высыпал осколки по обе стороны раздутой плотинами реки. У этого города не было цельной души. Рванный, всегда чужой, но в то же время тёплый и родной, как лоскутное одеяло... *Пусти меня, отдай меня, Воронеж, уронишь ты меня или проворонишь? Ты выронишь меня или вернёшь? Воронеж – блажь, Воронеж – нож...* семьсот лет назад написал о нем Мандельштам. Проворонишь ты меня, ой, проворонишь... Ты ведь уже решил для себя, верно, Алекс? Решил поехать в Гонконг и встретиться с профессором Лингом, который написал *те самые* слова... Зачем? Ну, для тебя это слишком сложный

вопрос. Ты ж не привык обдумывать причины и последствия своих решений, не так ли?... И всё ж зачем? Для того чтобы действительно докопаться до истины с этим третьим слоем? Или чтобы бежать сломя голову, бежать от самого себя, от этой неутомимым червем разъедающей душу тоски?

Да какая к чертям собачьим разница? Я вскочил на ноги, зло пнул кресло, которое послушно откатилось обратно к столу, и выскочил из кабинета. Дверь за мной гулко хлопнула. Ох, и психованный ты, Алекс, ох и психованный... Кованая, без намека на изящество и увешанная ошметками паутины лестница (здесь что, никогда не убирают?!) гигантской спиралью уходила в густую полутьму нижних ярусов. Бессчетные ступени из толстых дубовых плашек, и столб прохладного воздуха в середине спирали... Когда несешься вниз быстро-быстро, перебегающая через две-три ступени, кажется, что летишь... Откуда-то яруса с третьего доносился приглушенный, полный одиночества голос Ноэля Харрисона...

*...круг, как оборот спирали, в колесе как колесо,
без конца и без начала, вихря вечное кольцо,
как картинок кутерьма...
словно крыльев кружева мельниц твоего ума...*

Красивая песня. Интересно, кому из моих коллег в субботу спозаранку тоже не спится? Надо зайти поздороваться. Хотя нет, времени в обрез... Времени в обрез? О чем это ты?... Ах да, сегодня у нас суббота. А по субботам из Внуково летает вечерний рейс до Пекина. Там пересадка до Сянгана. Если поспешить, то можно успеть. Следующий рейс только через неделю. Как раз этим-то рейсом можно и вернуться. Как удачно всё складывается... Удачно? А, может быть, ещё скажешь, *совершенно случайно*? Я хмыкнул. Ладно, Алекс, оставь пока свои параноидальные замашки, не время...

– Лёша, доброе утро! – Саша стояла на пару витков ниже и радостно махала мне рукой. – Ой, Лёшка, как хорошо, что это ты! Я сразу тебя узнала!

– Привет! – я перегнулся через перила и махнул ей в ответ. – Ты что, ясновидящая?

– Да нет, просто с такой скоростью по лестнице носишься только ты. Лёшка, правда, как хорошо, что ты здесь. А то я уже не знала, что делать!

Саша стояла растрепанная, красноглазая после бессонной ночи, в мятой мужской рубашке, но всё равно милая, персиковая и смешная. Все третьекурсницы, даже самые невыспавшиеся и уставшие, похожи на нежных фарфоровых куколок... Бедная девчонка. Отец и мать – конченные пьянчужки, живут где-то в сибирском захолустье. Способности к языкам у неё обнаружили случайно и – что редко бывает – к счастью для неё же самой. Однажды к ним в городок нагрянули двое учёных из Австралии проверить какую-то очередную теорию насчет тунгусского метеорита. Каково же было удивление её матери, уборщицы в захудалой местной гостиничке, когда в один из дней она обнаружила своё шестилетнее детище, восседающее за столом вместе со знаменитыми – нечасто в их запечье заезжают такие гости! – постояльцами, пьющее из большой кружки чай с местным медом и беззаботно пересвистывающееся с ними на их высоко-звнящем, с соловьиными переливами языке... И как только такие умные и серьезные дядьки могут разливаться трелями, как скворцы весной? И эта, засранка, поглядите! Когда только успела? Дочь у родителей быстренько изъяли, поместили в престижную школу-интернат для детей с выраженными языковыми способностями... к сожалению, дети с такими способностями редко рождаются в нормальных семьях...

Я аккуратно заправил ей за уши две особо бесперомонно выбившиеся прядки и шутливо провел указательным пальцем по носу.

– Не спала всю ночь?

– Да, Лёша, прямо не знаю, что делать. Посмотри, пожалуйста... Задали перевести стихотворение Маяковского на ново-китайский. А я пока не чувствую этот язык, и всё тут! Никак не могу уловить. Только первый слой, да и то кое-как...

Я взял у неё из рук распечатанные листы и присел на ступеньку. Так, что туту нас? О, сам Маяковский... стихи о советском паспорте... да уж, наши препода на лингвистическом всегда отличались изысканным чувством юмора.

Краснеть я начал медленно, с ушей, но густо и безвозвратно. Хорошо хоть на моей смуглой коже эта не в меру девичья стыдливость не так бросалась в глаза... Нет, конечно, с порнографией я был знаком. Чего уж там. Бывает... иногда. Но то, что я прочитал на втором слое, на порядок превосходило мои познания в этой области. Да уж... ничего себе... Я ошарашено поднял глаза на Сашу. Ну, девчонка, дает...

– Лёша, что-то не так? – она умоляюще смотрела на меня. – Что там у меня получилось на втором слое? Можешь хотя бы вкратце?

– А, ну... что получилось?.. Как бы тебе сказать... Ну, там...

Я потер лоб.

– А знаешь, неважно... Давай лучше поступим так: я быстренько набросаю тебе перевод, свою версию. На втором слое вкратце опишу историю любви Маяковского к Лиле Брик. Был у него такой объект воздыханий. Слышала, наверное? А ты прочитаешь мой перевод много-много раз, пока не уловишь этот подтекст, договорились?

Саша кивнула. Я расправил листы на коленке и принялся покрывать их убористыми столбиками иероглифов. Чёрт, время... время! Лажовый перевод получается впопыхах, ну да ладно, всё лучше, чем было. Наконец я черкнул последний иероглиф, всунул Саше в руки исписанные листы, чмокнул в шёлковистую щечку и рванул вниз по лестнице.

– Ой, Лёшка, спасибо! С меня причитается!

Звонкий у Саши голос, колоратурное сопрано, отточенное соловьиными трелями австралийского. Я так и не сумел овладеть их разговорным – речевой аппарат не позволяет.

– Причитается? Это хорошо... люблю благодарных девушек... Через недельку, когда вернусь, ОК?

Я вполоборота шутливо козырнул ей двумя пальцами и, больше не оглядываясь, поскакал вниз. Время, время... я должен успеть...

– Блин, какой же ты всё-таки кобель... как и все мужики... – Саша вздохнула и медленно побрела в свой кабинет.

Ну почему, почему с женщинами всегда вот так – чуть что, так сразу кобель? Терпеть не могу это слово!

Город уже проснулся. Я промчался по узкой Петровской набережной, где о поросшие смарагдовой водорослью гранитные стены мерно бились аспидно-чёрные волны тяжёлой воронежской воды. Над городом снова полз свинцовый слизняк туч, придавливая крыши домов своим тяжёлым брюхом. Нехорошее ощущение, давящее... Ну и хрен с ним. Главное, чтобы не задержали ближайшие рейсы до Москвы... Я на скорости зарулил во двор, заскочил в подъезд под неодобрительными взглядами двух суровых соседок и влетел в квартиру. В коридоре схватил небольшой городской рюкзак, распахнул гардеробную – много вещей с собой брать не буду, лечу всего ж на неделю... пара чистых джинсов, футболки, трусы... да, вот эти семейные, до колена, темно-синие с красными машинками, *счастливые*, обязательно... Почему счастливые? Потому что приносят удачу... Если бы вы знали, из каких задниц они меня вытаскивали. Глупо звучит, сам знаю. Но ведь работают же, не подводят... Так, а билеты? Я чертыхнулся, кинулся в гостиную, откопал среди шёлково-бумажных развалов на полу планшет и минут пять водил пальцами по экрану. Готово. Билеты в наше время не проблема, самолёты летают полупустыми. Кому охота переться за границу? Непонятно там, страшновато и скучно.

Тот самый отрез шёлковой ткани лежал чуть поодаль, в сторонке. Будто сам выполз из общей кучи. Я аккуратно свернул его, сунул рулон в отдельный карман рюкзака, сверху придавил планшетом. Так, вроде бы всё.

– Ну что, Елисей, идём?

Рыжий лощёный красавец никак не отреагировал на мои слова. А что ты, Алекс, собственно говоря, хотел? Будто не знаешь, кто в доме хозяин! Изящно прогнувшись, котё одарил меня высокомерным взглядом и невозмутимо продефилировал в сторону кухни... Ах, так? Хорошо же, посмотрим... Пружинистым прыжком я перекрыл ему дорогу, подхватил точно рассчитанным движением под мягкий пушистый животик и крепко прижал к правому бедру, чтобы не вырвался. Не ожидавший от меня столь подлого выпада Елисей противно мявкнул и притих. Ну что, котё, понял, кто у нас главный? Теперь бы только Наталья Петровна была дома. Я закинул рюкзак на плечо, закрыл дверь квартиры и нажал кнопку лифта.

С жизнерадостной и громкоголосой толстушкой-хохотушкой Натальей Петровной, соседкой с шестого этажа, меня, собственно говоря, познакомил мой Елисей. Все, кому я рассказывал эту историю, смеялись – мол, дожил, Алекс, тебя даже твой кот с женщинами знакомит... Она проживала свои сорокалетние женские годы вместе с такой же жизнерадостной и упитанной дворнягой Герой, по своему экстерьеру сильно смахивавшей на благородную сицилийскую чирнеко дель'этна, которую так любили изображать на своих полотнах итальянские мастера. На ночь мой Елисей обычно уходил шариться во двор, а утром неизменно возвращался домой в компании этих двух развеселых... мммм... девиц. В первый раз это случилось около года назад бессовестно ранним воскресным утром. Где-то в половине шестого утра кто-то до упора вдавил пальцем кнопку звонка и держал её, не отпуская, отчего мой древний звонок верещал на всю квартиру, как сирена воздушной тревоги в старых фильмах о войне. Я буквально взвился на постели. Не одеваясь, как был в семейных трусах подскочил к двери, не спрашивая, кто, распахнул её и увидел... увидел на пороге их... на площадке между лифтами, в ореоле солнечного света стояла яркая, искристая рыже-шоколадная троица – посреди вышпалась мощная тетка в длинном цветастом платье, рыжем кожаном пиджаке и сандалях на босу ногу. Справа от неё сидела огромная шоколадная псина с крупными янтарными бусами вокруг шеи и такими же влажными янтарными глазами. А слева... слева гордо восседал мой желтосолнечный Елисей.

– Ой, извините, я вас не разбудила? – тетка радостно улыбнулась без малейшего намека на раскаяние или смущение. – Ваш котик... Это же ваш котик, верно?... Мы с Герой возвращались в прогулки, а он забежал в подъезд вместе с нами... Ну не выгонять же его обратно на улицу? Жалко его. Замерз, поди, за ночь, проголодался, бедняга... Вот мы с Герой и решили отвезти его домой...

Бедняга-котик сидел у её ног и сладко жмурился. Чтобы мой кот по собственной воле зашёл в подъезд – и, более того, в один лифт! – вместе с собакой, да ещё и таких немалых размеров? Да, дела...

Будто бы угадав мои мысли, тетка – Наталья Петровна, как она представилась примерно через пару месяцев после нашего знакомства – заголосила дальше:

– Да нет-нет, вы не подумайте! Моя Гера вашего котика не обидит, ни-ни. Она котов любит! И я тоже!

И снова засмеялась.

Собака Гера и впрямь оказалась самой доброй и душевной животиной из всех, что мне доводилось встречать в моей жизни. В особо радостные солнечные дни, когда мы случайно сталкивались у подъезда и я присаживался перед ней на корточки, чтобы поздороваться и погладить морду, Гера облизывала мне пол-лица и тут же делала на асфальте лужу от восторга и ощущения полноты жизни.

На моё счастье, девушки оказались дома.

– Лексей! Какие гости!

Между рыхловатых белых голеней Натальи Петровны тут же просунулась любопытная Герина морда, задрав её цветастый халатик выше колен.

– Да я к вам, как всегда, с просьбой... Не могли бы вы приютить у себя моего Елисея на недельку?

– Ой, Алексей, да какие могут быть разговоры? Конечно! Мы же с твоим Елисеем друзья! Правда, Елисей? – она потрепала его по загривку, и тот удовлетворенно муркнул. – Гера вон даже без него скучает. Проходи, проходи, кошатик...

Елисей ловко вывернулся у меня из рук, прошмыгнул мимо неповоротливой Геры и хозяйски исчез в глубинах квартиры. Даже не обернулся. Предатель...

– Вот деньги, ему на корм. Возьмите... – я вытащил из кармана стопку полусмятых бумажек.

– Ой, да что ты, Лексей?! Не надо, ничего не надо! Спрячь немедленно! Что ж я твоего красавца не прокормлю что ли? Да я бы и вас двоих прокормила, если бы ты захотел...

Ну всё, начинается...

– Наталья Петровна, огромное вам спасибо. Выручили, как всегда. С меня магарыч! Хотите, привезу вам с Герой нефритовые ожерелья? (Алекс, ну почему именно нефритовые? И почему ожерелья? Откуда у тебя такая большая фантазия?) Гере к её шоколадной шкуре великолепно подойдет нежно-зеленый цвет!

Я влетел в лифт и вдавил в стену кнопку первого этажа. Всё. Теперь точно всё.

Стеклянная колба международного терминала Внуково была гулкой и полупустой. За огромными стеклами моросил мелкий скучный дождик из тех, что не смывают грязь, а, кажется, наоборот покрывают мир слоем мутной, грязно-бурой пастели. Девушка за стойкой регистрации и паспортно-визового контроля смотрела на меня мнительно и опасливо... Вы знаете, что у нас вообще-то не практикуется продажа билетов непосредственно перед рейсом? Бронирование производится заранее, от нескольких недель до нескольких месяцев... Нет, безусловно, покупка билетов за несколько часов до вылета формально не запрещена... но мы обязаны сообщать обо всех подобных случаях в соответствующие органы, вы понимаете... Да-да, разумеется, я в курсе этих правил...

Наконец девушка кивнула, ткнула в кнопку виртуальной клавиатуры и забежала по столу изящными пальчиками.

– Какова цель вашего визита в Китай?

– Личная.

– Личная? – от удивления она замерла и уставилась на меня, как на выходца с того света, не меньше.

– Я там родился... И там похоронена моя мама. В этом году годовщина её смерти. Двадцать лет...

Вообще-то двадцать лет было в прошлом году, ну да чего уж там... Всё равно ездил к ней и в позапрошлом году, и в прошлом, и до этого каждый год, ни одного года не пропустил, и буду ездить потом... Что-то тянуло туда, к ней, постоянно...

– Вообще-то я планировал съездить давно, но возможность появилась только сейчас. Вот я и решил, пока есть время... Ненадолго, на недельку.

– А работаете вы...?

– Переводчиком.

Девушка кивнула, не сводя глаз с монитора.

– Да, я вижу. Давно проходили медицинское обследование?

– Вы имеете в виду у психиатра? Сегодня утром.

– Федеральная служба безопасности поставлена в известность о вашей поездке?

– Разумеется. Но при наличии долгосрочной визы отдельного письменного разрешения на каждый выезд не требуется.

Да, Алекс, врешь, как по маслу. Теперь тебя уж точно ничего не спасёт. Умышленный обман должностного лица при исполнении... Минут через пять девушка протянула мне паспортную карточку вместе с трехцветным бело-сине-красным посадочным талоном.

– Удачной вам поездки.

И внезапно улыбнулась мне искренне, по-хорошему, по-родному, как расцвела... А ведь у неё будут из-за тебя неприятности, безбашенный и бессовестный ты эгоист. Таких девушек нельзя обманывать, ни на работе, ни в любви, ни в жизни, ты же знаешь, никак нельзя...

– Благодарю вас...

И неслышно добавил, прошептал про себя: «Извини...»

Потом взял с таможенной стойки свой развороченный рюкзак и прошёл в посадочную зону. Малочисленные пассажиры занимали несколько кресел, нахохлившись и встревоженные, как намокшие воробьи на голых осенних ветках. Переживают? Боятся? Я подошёл к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. С десятков чёрных лаковых сигар аэрокосмических лайнеров мокли на лётном поле. Да, вот они, итоги великого размежевания. Второго Вавилонского столпотворения. Теперь, пересекая границу, вы буквально попадали на другую планету, где чуждым было всё – люди, мышление, язык. Перестав общаться на пять столетий, люди отвыкли общаться. Они перестали – и уже *не хотели* — понимать друг друга. Отвращение и скука – вот два ключевых слова, которыми отныне можно было охарактеризовать отношения между странами. Глобальное отчуждение на фоне радикально различных ментальных структур и процессов. И только мы, переводчики, полумутанты, полубезумцы, полубоги, избранные и отверженные одновременно, рвущимися ненадежными нитями помогали хоть как-то сшить, подлатать худо-бедно этот распадающийся на части мир.

Я сел на пол, оперевшись спиной о стекло. Вытащил из рюкзака планшетник и, пробежавшись пальцами по экрану, отыскал фотографию Али. Любимое до боли лицо с глазами дикой кошки в струящейся шали волос цвета тёмного янтаря, в которые я так любил зарываться рукой и смотреть, смотреть, как эта нежно-шёлковая шаль бесконечно долго скользит по моей коже, по самым кончикам моих нервов, оставляя за собой сладострастно-бесстыжий след тончайшего, извращённо-невесомого мужского наслаждения... Я коснулся кнопки «Написать сообщение», и на мониторе выскочило привычное «Вы не можете отправить сообщение, так как вы заблокированы этим пользователем», и тут же мерзко-холодная рыба-тоска вынырнула из глубин груди, резанула бритвенным опереньем плавников и исчезла внизу живота. Я несколько минут смотрел на фото, боясь шевельнуться из-за режущей боли, потом медленно провел двумя пальцами по своим губам и осторожно-осторожно – чтобы не спугнуть, чтобы не почувствовала – прикоснулся ими к губам на холодном экране... прости, котёнка... я знаю, что сам во всём виноват... И, уже больше не глядя на неё, не думая о *ней*, порывистым движением выключил планшетник. Сколько ещё можно ждать, и надеяться?... Глупо всё это – глупо то, что случилось, глупо то, что ты сделал, глупо то, что ты делаешь сейчас. Отпусти эту девочку и забудь... так будет лучше для неё, и для тебя... и скользкая угрёвая рыба-тоска вновь высунула свою холодную морду, глянула мне в глаза и нырнула вглубь живота...

И только когда я провалился в огромное уютное кресло и услышал едва уловимое урчание двигателей, на меня снизошло сладостное спокойствие. За толстыми линзами иллюминаторов, между звёзд, здесь, в предкосмосе плававших искристой россыпью драгоценных камней, почти видимым глазу мутноватым дымком вилась бесконечность. Ничего уже не повернуть обратно, Алекс. И ничего не вернуть. Это как гигантская воронка, которая либо затянет тебя на самое дно и погубит, либо выплюнет обратно – с пустой и мертвой душой... Ну и пусть... Я

закрыв глаза... остаться наедине с собой... с душой, единой с миром наважденья, где зеркала меняют отраженья...⁸ откуда эти строки?..

Неслышно, как вороватый кот, я крался по узкой улочке, вымощенной массивными известняковыми плитами с красной окаемкой. Мягкие сапожки из козьей кожи скрадывали движения, а в складках шерстяного плаща коварной змейкой притаился изящный, удлиненный по египетскому образцу, кинжал с рукоятью в виде двух переплетенных львиных тел и двумя львиными мордами вместо гарды. Красивая, холимая, безжалостная игрушка. Я привычно обвил ладонь вокруг рукояти, и кинжал подался ко мне, влился мне в руку. Я остановился и замер, вглядываясь в звёзды. А звёзды замерли, вглядываясь в меня...

---

⁸ Из стихотворения «Свет и светоч» Станислава Айдиняна

Поднебесная. Безумие

В Сянган мы прилетели уже ночью. Город лоснящейся рептилией лениво ворочался под брюхом самолета, мерно покачивая тускло мерцающими кольцами. В салоне было почти пусто; в Пекине мне пришлось пересест на «Лодку небесной реки», старый дребезжащий лайнер местного производства, державшийся в воздухе, как я подозревал, только благодаря своему названию и помощи богов. Полсотни пассажиров, все жители Поднебесной, как загипнотизированные, прилипли к иллюминаторам. Я отстранился от стекла, откинулся на спинку кресла – плохо прикрепленное к полу, вот-вот отвалится, оно мягко качнулось – и закрыл глаза. «Ну, здравствуй... – прошептал я. – Примешь меня?..» И затаился, затих, прислушиваясь к ударам собственного сердца. И в ту же минуту влажное, обволакивающее, напоенное солью и сотнями ароматов дыхание мягко коснулось меня, лизнуло, будто узнавая, радуясь мне, как брошенный пес, повизгивая от переполняющих его чувств, встречает непутевого хозяина. «Ну, здравствуй же, здравствуй... – задыхаясь от волнения, ещё раз прошептал я. – Видишь, я снова вернулся...»

Наконец шасси на удивление нежно коснулись земной тверди, наша "лодка" заложила захватский пируэт и начала неспешно выруливать к терминалу. Я мысленно поблагодарил всех богов Поднебесной за то, что оставили нас в живых, потом пилотов за их непревзойденное мастерство – почему-то я был уверен, что возносить благодарности стоит именно в такой последовательности. Аэропорт Чхеклапкок был, как всегда, сверкающим, футуристическим, стерильным и безлюдным. До мелочей знакомый терминал, сталь и стекло, стекло и сталь, всё блестит и сверкает, как в самых крутых компьютерных играх... сто метров прямо, почти бегом, вприпрыжку, движущаяся дорожка – это для ленивых, потом направо и вверх по эскалатору, и снова по эскалатору, и вот он – огромный, переполненный воздухом и светом зал иммиграционно-таможенного контроля с рядом узких стоек на противоположной стороне. Это всё моё, моё, мой город, мой воздух, мой мир, и я – я снова здесь!.. От избытка чувств я разбежался по жемчужно-серому зеркалу пола, лихо крутанул арабское сальто, даже рюкзак в руке не мешал – высоко получилось, молодец, профи, чего говорить... ещё разок, слабо? Мне слабо?! («Ох, Алексей, да тебе и пить-то не надо. Пятьдесят граммов достаточно – лишь бы для запаха. А дури у тебя и своей хватает...» – отец недовольно постукивает пальцами по подлокотнику кресла, крепкие отполированные ногти и добротный, играющий искрами бриллиант в фамильном перстне...) Я перевернулся в воздухе ещё раз и приземлился прямо напротив пожилого китайца в ярко-красной, вырви глаз, униформе за высокой стойкой, который с неприкрытым удовольствием смеялся, наблюдая за моими упражнениями.

– Ваш паспорт, господин...?

Я вытащил из кармана тонкий пластик и протянул улыбавшемуся таможеннику.

– Хммм... так вы не гражданин Поднебесной? – ниточки бровей удивленно взлетели вверх.

– К сожалению, – пожал я плечами. – Но я здесь родился.

И уточнил на втором слое:

– Моя мать была китайкой.

Такие точки на i лучше расставлять сразу. Проверено опытом.

– Тогда минуточку, небольшие формальности...

И на втором слое:

– Сейчас мы решим эту маленькую проблемку...

Ого, неужели сотрудники иммиграционно-таможенной службы научились шутить?! Он приложил мой паспорт к терминалу, пару раз согласно кивнул головой, глядя в монитор (ещё бы, с визами-то у меня полный ажур... пока что...), задал несколько стандартных вопро-

сов и через минуту бравым шлепком прилепил мне на грудь переливчатый фиалковый бэдж в форме уродливой кляксы.

– Теперь вы наш гость. Желаю вам хорошего пребывания в нашей стране, – он протянул мне паспорт и показал рукой на бэдж. – Идентификационную карту не снимать! Носить на видном месте!

– Знаю, знаю, не снимать, даже в душе! – и, не удержавшись, вставил на втором слое: – Буду лепить её себе на задницу! (Конечно, куда ж я без идентификатора, который будет извещать окружающих о том, что я иностранец и со мной нужно вести себя подобающим – осторожным – образом?)

И потом на двух слоях сразу:

– Спасибо! – залихватски козырнул доброму таможеннику, схватил свой просвеченный насквозь рюкзак и выскочил из здания аэропорта в густую чернильную ночь.

Снаружи обдало сразу же и нещадно, как в на совесть натопленной русской бане, так что футболка и джинсы мгновенно напитались влагой и намертво прилипли к телу. Да ладно, не привыкать. Я махнул рукой группке местных извозчиков, сбившихся в тесный кружок и что-то активно там обсуждавших, и уже через полминуты широкий, как шаланда, древний красный автомобиль подкатил ко мне, плавно покачиваясь на рессорах, как на волнах.

– Доброго прибытия! Куда господин едет? О...

Удивился таксист на обоих слоях сразу. Перевел глаза с фиолетовой кляксы-иностранки на моё лицо, потом снова на кляксу. Да, вот так-то вот получается: две родины, а в результате ни одной настоящей, везде как чужой... вернее, как «свой среди чужих, чужой среди своих» – точнее не скажешь, уж не помню, откуда эта фраза... В любом случае, объяснить ему мне ничего не хотелось, поэтому я плюхнулся на заднее сиденье и коротко бросил:

– В Гонконг, за Спину Дракона, чуть дальше, к заливу Большой волны.

– Знаю, – таксист кивнул. – Но далеко и поздно?

– Да, далеко и поздно, – подтвердил я. – Я заплачу.

Десяток-другой секунд китаец напряженно обдумывал ситуацию, потом наконец кивнул головой и захлопнул дверцу. Я усмехнулся. Точно так же напряженно обдумывали ситуацию наши (о, всё же наши?) русские девчонки, с которыми я пытался познакомиться в ночном клубе или малознакомой компашке. Улыбнуться в ответ или нет? Сказать своё имя или лучше не стоит? Какой-то он странный... да нет, вроде симпатичный, и забавный... И шепот добро-сердечной подружки... да он же полукитаец! К тому же ещё и переводчик! Они же все чокнутые! Ну и что, что красавчик? И прикольный? И деньги есть? А дети пойдут – от них же дети рождаются, как и они сами, чокнутые!.. Ой, да, об этом-то я не подумала... тогда лучше не надо... И смущенная улыбка в ответ – извини, я жду своего парня, а он очень-очень ревнивый, сам понимаешь... Да, конечно, понимаю. Извини и ты тоже, удачи...

– Господин, можно включить музыку?

– Что? – не успел я вынырнуть из своих мыслей.

– Музыку включить можно? – перепросил таксист.

– Ах да, конечно, можно...

Первой со мной заговорила только Аля... моя радость, моя любушка, моя милка, моя, МОЯ... и напоенная горячечным жаром ладонь скользит по шёлковистой, вся в росинках пота, змейке позвоночника...

Я вздрогнул. Музыка прокралась тихо, коварно, сгустилась из воздуха как едва заметное марево, подрагивающее над дорогой в полуденном зное, и потом вдруг ударила резко, без предупреждения. Третья часть концерта номер два соль-минор «Летняя гроза» рыжего священника Вивальди, отрешенного от сана за недозволенное поведение во время службы. Стран-

ный выбор музыки... неожиданный... Брызжащие потоки звуков вырвались из тесной каморки кабины и выплеснулись в чужую и терпкую, напоенную соленой влагой Южно-китайского моря ночь. Заднее сиденье автомобиля было широченным и пружинящим, как добротная антикварная софа. Я сдвинулся за спину водителя и по совместительству любителя европейской классики, оперся спиной о дверцу и смотрел, смотрел, не в силах оторвать взгляда, как за прозрачной линзой крыши трепещущие струи барочной, девятисотлетней выдержки грозы омыают уродливый лес небоскребов...

Солнечный свет прорвался в комнатушку для гостей на втором этаже приземистого длинного дома, где уже с четверть века располагался так называемый спортивный интернат – пятеро наставников-тренеров и около трех десятков пацанов и девчонок, по разным причинам не устроивших своим существованием свои семьи. Мой родной дом, вернее один из моих родных домов... О, господи, Алекс, да есть ли у тебя в этой жизни хоть что-то определенное? Неразделенное, нерастроенное, неразчетверенное или вообще не разбитое на сотни осколков? А к чему такие вопросы, если это зависит не от тебя? Разве ты виноват в том, что это старое, сложенное из крупного камня здание спортивного интерната одной стеной упирается в *наш* участок, где в полусотне метров от забора, в тени игольчатых буддийских сосен притаился *наш* с мамой дом, теперь заброшенный и пустой... На следующий день после гибели мамы директор интерната, мастер Джан, решительным шагом вошёл в нашу гостиную, молча забрал у женщины-полицейского рюкзачок с моими нехитрыми пожитками, уже собранными для отправки в какой-то приют, крепко взял меня, пятилетнего, за руку и увел к себе. Так я и жил и воспитывался в его школе-интернате, из окон которой был виден *наш* с мамой дом, до пятнадцати лет, пока вдруг не понадобился своему отцу.

Закрывать на ночь ставни я, конечно, не удосужился, и теперь солнечные лучи бесцеремонно хозяйничали в комнате, как будто бы тут вовсе никого и не было. Я поджал ноги, чтобы укрыться от их жаркой ласки, но лучи нахально поползли выше, пядь за пядью захватывая брошенный на пол футон и чёрные разливы простыней. Я вжался в узкую полоску тени, что ещё оставалась у грубо штукатуренной стены, и попытался было снова заснуть, как вдруг коридор взорвался топотом десятков ног, моя дверь настежь распахнулась, в неё ворвался ещё один бесцеремонный и очень мелкий солнечный лучик с отчаянно взъерошенной головой и смеющимися глазами, завопил «Подъем!» и, уже на ходу, несясь в сторону лестницы, докричал: «За опоздание – пятьдесят отжиманий!» Ага, сейчас, пятьдесят отжиманий... кончились те времена... теперь я взрослый и самостоятельный... гость... и могу спать, сколько мне влезет, хоть до обеда! Я лениво перекатился на спину... и откуда только, паршивцы, узнали, что в комнате для гостей кто-то есть? Я же приехал вчера поздно ночью, когда они дрыхли, как сурки... Я блаженно закрыл глаза, вытянулся во весь рост на гладком шёлке простыней... и уже через мгновение копался в старом скрипящем шкафу в стопке ушуистских штанов, чертыхаясь и пытаясь подобрать среди них те, которые более-менее подошли бы к моей явно неазиатской длине ног. Да ладно, вот эти, приспущу на бедра, чтобы подлиннее казались, авось не свалятся. Потом натянул на себя футболку, кеды, сунул голову под струю ледяной воды, бившую из полуржавого крана в каменную ракушку мойки, и, оттолкнувшись ногой о подоконник точно рассчитанным, отточенным с детства движением, прыгнул в выстланный мозаичной светотенью колодец двора.

...Мельчайшая бурая пыль, вздыбленная в воздух десятками прыгучих ног терракотового плато спортплощадки, сухо поскрипывала на зубах и за пару часов покрыла лицо тонким забралом. Я скорее размазал грязь, чем вытер пот со лба рукавом футболки, и вздрогнул. Чёрт возьми, и почему я всегда так остро реагирую на чужие пристальные взгляды? Точняк, вялотекущая паранойя...

– Аликэсай, подойди ко мне.

Мастер Джан стоял на краю площадки. Совсем не изменился, как и десять, и пятнадцать лет назад всё такой же сухопарый и жилистый, как старый волк, с режущим своей обманчивой безмятежностью взглядом. Этот взгляд я всегда ощущал на самом дне своей черепной коробки.

– Рад тебя видеть, мальчик. Опять по работе?

Я полукивнул-полукачнул головой, и да, и нет одновременно. Глупое детское правило «врать нехорошо» всё ещё сидело в голове, хотя уже мешало всё реже. Но на этот раз, разумеется, я облажался (если уж врёшь, то ври так, чтобы поверить в это хотя бы самому!) и получил заслуженное – меня окатили *тем самым* ненавидимым мною взглядом и высокомерноотрывисто бросили уже на ходу:

– Зайдёшь ко мне, когда освободишься.

И это всё?! Всё, чего я достоин?! Ни лишнего тёплого слова, ни улыбки? Только хлёсткая пощёчина презрения за то, что посмел, счёл возможным сказать что-то не начистоту? Да почему ко мне – *ко мне!* – такое отношение?! «Зайдешь, когда освободишься...» А обязан ли я заходить и отчитываться, как нашкодившее дитя? Он что, не понимает, что я взрослый человек и имею право делать всё, что я – *Я* — захочу? Ни перед кем не отчитываясь в своих поступках? Я опустил на землю и смотрел ему вслед. Утреннее солнце жгло так нещадно, что казалось, в венах у меня течёт не кровь, а кипятки... А, может быть, Алекс, дело-то вовсе не в солнце... и не в его словах... а в том, что рядом с мастером твоя неполноценность начинает прямо-таки бить в глаза? Все твои мелкие страстишки, сомнения, тревоги, которыми ты привык жить, вылезают наружу, как микробы под микроскопом, и становятся просто смешными? А признавать это, ох, как неприятно... Да и если бы только это! Ты ведь прекрасно отдаешь себе отчет в том, что никогда тебе не подняться до его уровня, никогда не сбросить с себя этой дешевой елочной мишуры, к которой ты так привязан... Не того полета ты человек... Поэтому ты зайдешь к нему. И отчитаешься, оправдаешься, объяснишь... Просто потому... просто потому что это по-человечески. Потому что в тебя безоглядно, ничего не спрашивая и не прося взамен, вложили столько души... как и во всех остальных полуброшенных, полузабытых пацанов.

Я встал с земли и решительно зашагал к дому. Пора начинать своё "расследование". Чего тянуть? Библиотеки уже открылись. Наверное, будет лучше пока никого не дёргать, порыться самому в книгах, поглубже познакомиться с творчеством профессора Линга, авось, что и само всплывет на поверхность, а потом уже решать, что делать дальше... Но сначала душ!

Ледяные струи ударили о разгоряченную кожу, обожгли, сперли дыхание и укатились бурным ручьем по высланной изумрудным мхом канаве. Импровизированный местный душ – чуть расширили нишу в скале под водопадом, выдолбили в камне желоб, чтобы отвести сточную воду – функционировал так же исправно, как в детстве, и был таким же студеным. Почему-то мне вспомнилось, как однажды в детстве учитель истории рассказал нам о разливах Нила в Древнем Египте. Тогда, восьмилетним, я подумал, что Нил разливается из-за таяния ледников, и твердо верил в это все эти годы... пока пару лет назад не приехал с правительственной делегацией в Египет и в один из дней не забрался (разумеется, незаконно) на самую вершину пирамиды Хеопса. Там, под этим пустынным, иссушающим насквозь африканским солнцем мне в голову неожиданно ударила мысль – да откуда здесь могут быть ледники?! И, если нет ледников, почему тогда разливается эта священная река? Так это и осталось для меня загадкой...

Не дожидаясь, пока моя кожа покроется корочкой льда, я вылез из-под душа, натянул прямиком на мокрое тело джинсы и футболку из разряда "поприличнее", заскочил на пару минут на кухню, где послушно выслушал жалобные причитания нашей поварахи: «Ляо-Ша, какой ты худой... как дворовый щенок... Тебя там, в России, совсем не кормят...» Ха, да кому меня там кормить? Сам кормлюсь, и вполне нормально, кстати... Проглотил привычный рисовый отвар с кусочками рыбы – эх, сейчас бы мою привычную утреннюю чашечку свежесваренного кофе с щепоткой апельсиновой цедры и россыпью мелкого моравского аниса! – и выскочил за ворота.

Их я заметил сразу, как только вошёл в вагон местной подземки – "массовой транзитки", как её тут называют. Двое в скучных серых костюмах со скучными лицами просто бросались в глаза своей нарочитой неприметностью. Впрочем, они особо и не скрывались. Что ж, почти всё официально: официальный иностранец, а к нему приставлен почти официальный "служебный" эскорт... Я прислонился затылком к прохладной металлической стенке вагона и закрыл глаза. Ладно, чего заранее волноваться? *Авось* куда-нибудь вывезет... поймал себя на этой мысли и усмехнулся: видать, *Ляо-Ша*, ты всё же гораздо больше русский, чем привык считать...

«Центральная библиотека», – прочирикал звонкий девичий голос, на втором слое пожелав всем хорошего настроения. Я заботливо оглянулся на пару своих сопровождавших – мол, идём, парни, не отставать – и вышел на пустынную платформу. Мозаичная дорожка из лепестков турмалиновых и родолитовых роз вилась по пустынным кварталам мимо частокола заброшенных небоскребов, выщербленных чёрными провалами окон. Они торчали из земли, как полуразрушенные драконыи зубы. По каким-то ведомым им одним соображениям китайцы не сносили старые ненужные дома, просто оставляли их умирать своей смертью. Что ж, возможно, в этом была своя логика... Город, где живут и умирают дома...

Местная библиотека представляла собой комплекс из десятка приземистых зданий, сверху донизу забитых древними бумажными фолиантами и переливчатыми рулонами шёлковых книг Новой эпохи, когда в стране запретили издавать бумажные книги, фактически прекратили производство бумаги и перевели всю печатную продукцию на шёлковую основу. Ну, под предлогом якобы "возвращения к корням", но на самом деле ради достижения одной совершенно очевидной цели – установления тотального, всеобъемлющего и всепроникающего контроля. Естественно, после принятия законов "Новой эпохи" количество издаваемых книг и всевозможной периодики резко сократилось – дорого, однако, принтовать на шёлке, это вам не на бумажках всякую непотребную муть штамповать – что практически свело на нет всякое брожение умов. Гениальный ход, надо признать. Во многом именно благодаря нему, а не каким-то там благовидным мерам всего за пару десятилетий в стране, которая балансировала на грани панического безумия и кровавейших революций, вымирая с непостижимой скоростью – за сотню лет великой глобализации и последовавшего за ней великого размежевания от двух с половиной миллиардной нации осталось едва ли пятьсот миллионов – воцарился покой и порядок. К лучшему или к худшему, кто его знает? Да и есть ли у нас право судить?

Я отыскал здание со скромной вывеской «История, философия, социология», пытавшееся скрыться от чужих глаз в цветущей пене орхидных деревьев, поднялся на неспешном эскалаторе к стеклянным дверям и вступил в стерильную, тщательно от кварцованную прохладу библиотечного холла.

За библиотечарской стойкой Центральной муниципальной библиотеки города Гонконга сидела русалка. Да-да, именно так – русалка. Уж можете мне поверить, в девушках я разбираюсь неплохо, меня не обманешь... Я ошеломлённо уставился на неё, напрочь забыв о всяких нормах приличия. Русалка нехотя оторвалась от книги, окатила меня прозрачным омутным взглядом, томно тряхнула водопадом волос, переливавшихся всеми оттенками зеленого от нежного хризолита до глубокого изумруда с прожилками золотых прядей, и неожиданно – абсолютно по-человечески, тепло – улыбнулась.

– Добрый день, господин! Чем могу вам помочь?

– Помочь? А да, могли бы... – пробормотал я и снова замолк.

Русалка спокойно ждала. Наконец, я сглотнул и кивнул в сторону её головы:

– Занятная гамма...

По её лицу скользнула неверная русалочья улыбка.

– Знаете, я хотел бы ознакомиться с работами профессора Линга. Вы можете мне помочь?

О, чёрт, что-то явно было не так. Не так должны реагировать молоденькие симпатичные библиотечарши на такие простые вопросы. Хотя в общем-то, Алекс, зачем лукавить? («Алек-

сей, будь честным хотя бы перед собой...» – тут же услужливо всплыло в голове. Господи, и почему мои русские родственнички и друзья так любят произносить эту глупую патетичную фразу?! Итак, Алекс, зачем лукавить? Уж ты-то, пожалуй, лучше других знаешь, почему это некое и таинственное "что-то" идёт не так...

Эх, была не была...

– Насколько я знаю, это профессор вашего местного университета, и у вас должно иметься полное собрание его работ. Меня особенно интересуют его последние исследования, в частности, за последние год или два.

Девушка торопливо склонилась к монитору, спрятавшись от меня за завесой нефритовых пряжей, и забегала пальцами по клавиатуре.

– Да, у нас имеются работы профессора Линга, но только пятилетней давности. Возможно, в последние годы у него не было новых публикаций. Будете делать заказ?

Интересно, можно ли верить словам очаровательной фарфоровой куколки, которая на втором слое щебечет вам о необычайно изменчивой погоде, установившейся этим летом над полуостровом Девяти драконов – «знаете, то испепеляющая жара, то проливные ливни... потоки на улицах аж до самых (восхитительных, персиковых, с ямочками по бокам, я в этом не сомневался) коленок!» Насколько я помнил, та исследовательская работа, которую я переводил в России, была издана чуть больше года назад. Перевод был заказан Институтом истории Российской академии наук, следовательно, работа попала в страну вполне официальным путем – вряд ли наших академиков можно было заподозрить в пристрастии к контрабанде. А это значит, что до недавнего времени в самой Поднебесной опусы профессора Линга представляли собой чисто научный интерес и находились в открытом доступе. Но потом вдруг случилось *нечто* — что именно, хотел бы я знать! – что насторожило китайские органы безопасности, заставило их принять меры, и так далее и тому подобное, со всеми вытекающими отсюда последствиями... в том числе и для меня тоже...

– Странно, а я был уверен, что профессор всегда полон свежих идей и грандиозных планов. Видимо, я ошибался. Что ж, придется довольствоваться старыми работами. Может быть, открою для себя что-то новое... – я прервался на полуслове, поймав ошарашенный взгляд девушки, и едва не захохотал... Да, Алекс, хреновый из тебя шпион, прямо сказать. Задумался. Отвлекся. И что ты там цитировал на втором слое? Ах да, отрывок из «Оды великой радости любовного сплетения Неба и Земли» Во Синцзяня? Как там у нас... «любовница послушная, наложница услужливая, – щек мягких полукружие, и лезвия бровей...» Чудненько... И с таким-то вот гениальным умом ты ещё на что-то надеешься?! Например, открыть "что-то новое" в социо-исторических опусах профессора Линга, вдоль и поперек изученных спецами аналитического отдела Управления государственной безопасности Поднебесной? Какая восхитительная самонадеянность...

Я ткнул наугад в первые пять книг, дождался, пока девушка неспешно, как и подбаивает русалке, прикатит массивную тележку с переливчатыми рулонами, и устроился перед огромным окном. Посетителей в зале было мало, троица студентов с тоскливыми взглядами и парочка аспирантов. Было хорошо и спокойно. Может быть, я действительно становлюсь параноиком? Нелепые догадки, подозрения... («Лёшка, будь честным хотя бы перед собой...» Чёрт подери, опять эта фраза! На этот раз голосом Али. Ну да хорошо, буду, буду!)... бредовые галлюцинации посреди душной летней ночи... Да ладно бы просто галлюцинации. Махнул рукой да забыл. Так ведь нет, ты повелся на них! Поверил, рванул из страны, как ошпаренный, чтобы проверить свои догадки! Ну, хорошо, Алекс, допустим, ты и впрямь сумасшедший. Но почему тогда в библиотеке нет последних трудов профессора Линга?! Кому и зачем могло понадобиться изымать работы историка-чудака, которого интересует лишь давным-давно забытое прошлое, укрытое толстым слоем пыли веков?

Заправив край тонкой ткани под деревянный валик, чтобы удобнее было читать, я дернул за болтавшийся перед глазами красный шнур. С потолка с мягким шелестом упала-развернулась бумажная ширма с полупрозрачными водяными драконами. Ну не могу я с собой ничего поделать – не люблю я читать книги на людях и всё тут. Поэтому читал я всегда воровато, украдкой, выискивая местечки поукромнее и ревностно следя за тем, чтобы кто-нибудь – не дай бог! – не заглянул мне через плечо. Почему-то чтение представлялось мне занятием в высшей степени *интимным*, в чем-то сродни занятию любовью (ох, Алекс, как хорошо, что тебе не пришло в голову высказать эту мысль нашему психиатру!). Как будто бы для того чтобы пролезть сквозь узкую кроличью нору в сотворенный чужим сознанием мир, нужно было поднять забрало, сорвать с лица все маски и скинуть с души тяжёлые защитные латы... в результате чего человек с открытой книгой в руках сам становится открытой книгой для сторонних глаз, ну или для камер наблюдения...

Иероглифы были вплетены в ткань простой чёрной нитью. Для художественной литературы, а тем паче для поэзии, часто использовали перламутровую или хамелеоновую нить, а иллюстрации вышивали вручную, и такие книги стоили целые состояния. Но научная литература ткалась без подобных роскошеств, а газеты так и вовсе принтовались чёрной краской на искусственном шёлке. Ладно, перейдём к делу. Что тут у нас? «Антропоток и модель этнокультурных плит»...⁹ Да уж, весьма увлекательно... «Тогда как Океан представляет собой *мировое пространство коммуникации*, производство геополитического материала, в том числе демографического ресурса, носит в основном *прибрежноконтинентальный характер*. Рассмотрим геополитический чертёж земного шара в период с...» Какая-то странная мысль резнула моё сознание, но тут же исчезла. Ладно, обдумаю это потом, на досуге. А пока... а пока очевидно одно: никакого третьего слоя нет и в помине!

Через пять часов, когда чёрная россыпь иероглифов стала сливаться перед глазами в неразборчивую каракульную мешанину, я поднял ширму, скатал последний рулон и жестом показал русалке, что книги можно убрать. На выходе из здания стояла пара банкоматов. Я походя всунул в один свою банковскую карту – если российские спецслужбы уже взялись за меня, счет скорее всего будет заблокирован – и после секундного размышления набрал сумму. За услуги в Китае платили по странному принципу "после и сколько сочтете нужным", но, на удивление, бизнес в стране процветал. Через секунду на экране замигала надпись «Оплата произведена», и на втором слое «Спасибо за ваш визит. Будем рады видеть вас снова». Вот и ладненько. Пока не заблокировали. Значит, какое-то время у меня ещё есть. Я выдернул из банкомата карточку и выскочил на улицу.

Снаружи меня подхватил горячий, солёно-слёзный муссон и уже не отпускал ни в просторной красной шаланде такси, пойманной мною тут же, на узкой улочке меж облупленных небоскребов, – он залетал в открытые настежь окна и ласкал, держал меня нежными, родными ладонями – ни когда я поднимался по выщербленной каменной лестнице старого кладбища, многоступенчатым амфитеатром врезанного в склон холма над роскошной, подернутой пастельно-бирюзовой дымкой бухтой; ни потом, когда я медленно присел на колени и прижался лбом к тёплой, напитанной солнечным светом башенке-надгробию с многослойными завитками крыши. Симпатичная молодая женщина со смеющимися глазами, какой я её помнил по сохранившимся фотоснимкам, смотрела на меня пристально, не отрывая взгляда, будто пытаясь впитать меня всего, впечатать, выгравировать в своей памяти до мельчайших деталей... «Вот и я, добрый вечер, мама...»

⁹ По мотивам работы «Антропоток и институты натурализации. Русский язык как институт натурализации» С.Боровикова и С.Переслегина.

Она продолжала неотрывно смотреть на меня и улыбаться. «Видишь, каждый раз я приезжаю к тебе всё более взрослым... скоро стану старше тебя... и всё более сильным и умным...» Она засмеялась, засветилась, протянула изящную золотистую руку, сотканную из солнечных лучей и соленого ветра, и ласково потрепала меня по волосам. «Ты мой взрослый, самый-самый глупый и самый-самый любимый сын...»

...не отпускал он меня и тогда, когда я лежал вниз лицом на пустынном песчаном пляже, том, что почти напротив интерната – только спуститься вниз по ущелью, по заросшей влажной зеленым туннельной аллее к океану – и лениво смотрел, как переливаются застрявшие в ресницах соленые капли под робкими лучами вечернего солнца. После полуторачасового заплыва голова слегка кружилась, тело было легким и невесомым, будто всё ещё парило в зеленовато-прозрачной толще воды. Именно ради этого сладостного ощущения полета, которого безжалостно лишает нас воздух, мы в детстве купались в любое время года, даже в страшный сезон штормов – надо было лишь неслышно, втайне от дежурного воспитателя, выскользнуть из окна подсобки, выходящего в заросли чайного кустарника, быстро-быстро добежать до побережья, скинуть с себя всю одежду, чтобы *потом* не выдать себя мокрой футболкой или штанами и... и летай! Главное было не бояться. И я не боялся – ведь тонет лишь тот, кто боится...

Солнечный диск вяло погружался в блеклую воду, как разморенная медуза, утягивая за собой шафрановые щупальца-лучи. В тех книгах, которые я бегло просмотрел сегодня, я не обнаружил ни намека на существование третьего слоя. Ни-че-го. Немного заинтересовала меня лишь одна из ранних работ, да и то из-за самой темы. В ней профессор анализировал мифологию различных народов и классифицировал все нации по двум категориям – те, кому с разной степенью успешности и на разных этапах своей истории удалось воплотить в жизнь свои мифы-мечты (да-да, оказывается, мечты есть не только у людей, но и у наций. Вот уж никогда об этом не задумывался!), и те, кто потерпел в этом неудачу. Однако ученый ограничивался лишь сухой классификацией, не объясняя причин подобных удач или провалов. В целом же я остался топтаться на том же месте, откуда начал. В голове услужливо всплыла старая пословица на древнем, а потому однослойном вэньяне – «не спросив дороги, не спеши вперед». *Однозначно* разумно, но в твоём случае, Алекс, дорогу спрашивать не у кого, да и в общем-то небезопасно. Может, стоит заглянуть в университетскую библиотеку, а потом уже встретиться и с самим профессором?

Я вздрогнул, когда рядом с моей головой вдруг раздался сухой шорох. Мастер неслышно подошёл по песку – на вкрадчивых тигриных шагах не сказывался возраст – и присел рядом, положив ладонь мне на затылок. Я почувствовал, как тело невольно напряглось под этой обманчиво мягкой ладонью... Чего там скрывать, я никогда не отличался особым послушанием, а воспитание у нас в спортинтернате не отличалось особой мягкостью, следуя древнему принципу, что только из-под огненной палки выходят достойные люди. Что ж, может, оно и так... а, может, и нет... как теперь узнаешь? Но тело об этом помнило, даже спустя столько лет, и я снова зябко поежился.

Я молча смотрел на побелевшие от злости скулы отца и думал о том, что бледнеть от ярости – пожалуй, единственное качество, которое я унаследовал от него. Ну, если не брать в расчет пронзительно-дерзкие изумрудно-котовьи глаза. («Человека с такими глазами невозможно жалеть, – однажды сказала мне Аля. – Чаще всего в него просто хочется метнуть тапком...»). Всё остальное у меня было от мамы, ну или *само по себе*... по крайней мере, мне так нравилось думать.

– Знаешь, Алексей, я даже благодарен вашему учителю за то, что он держал тебя в ежовых рукавицах. С *тобою* иначе нельзя. Ты *не умеешь* ценить хорошего отношения, – отец раздра-

женно мерил шагами просторный, безупречный в своей роскошно-краснодеревной антикварности кабинет. – Я уже пожалел о том, что привез тебя в Россию. И чувствую, что пожалею об этом ещё не раз. Всё больше склоняюсь к мысли о том, что уж лучше бы журналюги раскопали всю эту грязь...

Почему "грязь"?

– ... про внебрачного, *брошенного* мною на задворках Поднебесной ребенка...

Разубеждающий, полный сарказма акцент на слове "брошенный". Великолепно, папа!

– Думаю, моя политическая карьера выдержала бы *один* подобный скандалчик...

Безусловно бы выдержала, не сомневаюсь...

– Да ты знаешь, какие механизмы мне пришлось задействовать, скольким людям причинить беспокойство, чтобы отмазать тебя от суда и замять это дело?!..

Я стоял и молча смотрел на его побелевшие скулы.

Их было трое на выходе из ночного клуба. Приличного ночного клуба, кстати сказать, с хорошей репутацией, в славном и приличном городе Киеве. Нас тоже было трое. Я и ещё две девчонки, смешливые, полненькие, темноволосые сестрички, с которыми я познакомился накануне, когда после особо тяжкого дня переговоров – переводил с японского, а это, кто знает, отдельный и очень длинный разговор – отправился *проветрить голову* на берег Днепра. Стоял ранний ноябрь, по прозрачной воде скользили янтарные листья, похожие на капли солнечных лучей. Я воровато огляделся – плавок-то с собой не взял, да и кто берет с собой плавки, отправляясь в командировку в Киев в ноябре месяце? – быстро, пока никого нет, скинул с себя одежду и нырнул с невысокого пандуса в студеную воду. Она обожгла, опалила, я вынырнул из неё поплавок, стараясь не заорать, и потом минут десять барахтался среди солнечных листьев, стараясь самому не покрыться корочкой льда. И только когда уже вылез на берег, стянул с себя и принялся выжимать те самые, счастливые, с красными машинками, семейные трусы, услышал за спиной задорный девичий смех. Несколько секунд я так и стоял с полувыжатыми трусами в руках. И что только занесло этих девиц на набережную в такую собачью погоду? Сидели бы лучше дома, семечки лужгали, и не мешали нормальным людям купаться! Потом нарочито спокойно натянул на себя футболку, джинсы, засунул мокрые трусы в боковой карман рюкзака и только тогда повернулся. Метрах в пятидесяти – и откуда только взялись? – стояли, опершись о перила, две симпатичные украинские пампушки-хохотушки и покатывались со смеху, глядя на меня...

Как же их звали? Чёрт, я даже не помнил их имена!

Так вот, на выходе из ночного клуба нас ждали трое. Сценарий был отработанным и заезженным до омерзения.

– Эй, ты, узкоглазый, оставляешь нам девочек и проваливаешь отсюда цел кой...

Парни довольно заржали.

– Ну ты понял? Давай катись отсюда, и побыстрее!

У одного в руке сверкнул нож, он бравировал им, скорее пугал, чем приготовил для дела. Уж в этом-то меня не обманешь. Иначе не выставил бы напоказ, спрятал бы в рукаве. Внутри тяжёлым холодным студнем колыхнулось насмешливое спокойствие. Хотите поиграть? Ладненько, поиграем... И привычная пустота в душе. Ни скользких проплешин страха, ни жгучих щупалец злости. Лишь одно желание – причинить боль. Звериную, *чистую* боль... Я ударил первым. Тот, что с ножом, вырубился сразу. Выверенный классический удар в челюсть, вживленный в мышцы годами тренировок. Удар, блок, ещё удар, захват сустава, залом, сухой хруст... второй, кажется, даже не успел понять, что происходит. Да и куда вам, дешевые уроды, со мной тягаться? Со мной и королевская кобра-то в реакции не сравнится... Я раскидал их, как в низкопробном пошленьком боевике. Ещё пара трудноуловимых движений, и третий медленно сполз вдоль стены. Сел, раскачиваясь и тихо постанывая от боли. Я подошёл к нему,

резко пнул ногой в левый висок. У него что-то сухо щелкнуло у основания черепа, и он медленно завалился на бок. Первый по-прежнему лежал ничком, кажется, без сознания, в правой руке судорожно сжимая нож. Я шагнул к нему, вывернул эту руку с ножом назад до предела, обхватил ладонью его кулак и с размаха всадил лезвие промеж его карманов брюк, между ягодиц... Ну вот и всё, ребята, повеселились... Потом схватил под локти двух визжащих девченок и поволок их по ветреным улицам отпаивать дикой смесью абсента с горилкой в ближайший ресторанчик...

Как выяснилось спустя неделю, эти парни оказались какими-то там сынками, но мой папашка оказался всё равно влиятельнее *их* папашек, ну и так далее, также по весьма заезженному сценарию...

Я натянул футболку и джинсы и сел на тёплый песок. Мастер Джан устало смотрел на блекнущее солнце и молчал.

Я тронул его за рукав.

– Мастер, бог есть?

Он не ответил, продолжал молчать, не глядя на меня, будто не считая нужным отрывать ради меня взгляд от далекого равнодушного неба.

– Мастер...

– Знаешь, мальчик, – наконец он заговорил так тихо, что я едва различал его голос среди предсумеречного шепота волн. – Полгода назад, той зимой... я оказался на Новых территориях, совершенно случайно, нужно было купить кое-что для школы перед праздником фонарей... Я выходил из лавки, когда встретил своего бывшего ученика. Теперь он служит в полиции, лейтенант. Он обрадовался, когда увидел меня, расспросил про школу, а потом попросил поехать вместе с ним, чтобы забрать одного ребенка. Сказал, что они обнаружили подпольную лабораторию на болотных островах... Туда привозили людей, и детей тоже – из неблагополучных семей, из глухих деревень, или просто бездомных... Изымали у них органы для трансплантации... Прибыльный бизнес, сам понимаешь, люди готовы отдать любые деньги, чтобы спасти жизнь себе или своим близким. Я поехал с ним...

Ночь вкрадчиво напознала на берег, жадно слизывая палевую глазурь с песчаного пляжа.

– Я врач по образованию, работал им в молодости, пока не пришёл в спортшколу... Я привычен к крови и боли... Но в той лаборатории... когда я зашёл туда, там были полки с пластиковыми контейнерами-холодильниками, много полок, по всей комнате, в несколько рядов, и в каждом контейнере комки живой плоти... Я упал на колени, на какие-то сточные решетки в полу, и меня вывернуло наизнанку, выкрутило всего до последней капли, как тряпку, от омерзения, от душевной судороги. Мой мозг не выдержал этого. Я потерял сознание... Потом в маленькой камерке на заднем дворе мы нашли мальчика, лет пяти. Он забился в угол и никому не давался в руки...

Океан дышал рядом, большой, ласковый, тёплый.

– Ляо-Ша, бог есть?

Я опустил глаза. И ничего не ответил. Мастер молча поднялся и пошёл прочь, а океан преданно бежал рядом, ластился у его ног, лизал горячим языком, словно провинившаяся собака, пытаясь загладить тайную, известную лишь им двоим вину...

Я бежал вниз, быстро-быстро перебирая ногами по выжженным до белесой желтизны ступеням Этеменанки. Сто, двести, триста, тысяча, две, три... Золотой ярус, серебряный, алый, синий, пурпурный, белый... и, наконец, последний, чёрный... На верхнем ярусе, небесно-голубом, том, что выложен дорогим глазурованным кирпичом и упирается в иссушенное лазоревое небо страшными и кривыми исполинскими золотыми рогами, я никогда не бывал. Да халдеи туда никого и не пускали. Там, на самом верху, находится священный храм великого бога Мардука, где по слухам стоит огромное, застланное роскошной золотой парчой ложе бога Мардука

и золотой стол бога Мардука. Никто не смеет проводить там ночь, даже сами жрецы-халдеи, кроме одной только женщины, которую бог выбирает себе в наложницы из всех местных женщин. Видел я её. Красива, будто вся из меда вылита, глаз не оторвать. Аж дух захватывает. Хотя на что мне чужие красавицы? У меня своя – загляденье...

Я вспомнил о Шунрии¹⁰ и принялся спускаться ещё быстрее, крепко прижимая к груди стопку глиняных табличек. Сейчас забегу в Южный дворец в канцелярию, отнесу эти пророчества, а уж переведу их завтра с утра, авось ничего с ними не случится, не испортятся – тем паче что караван с египетскими посланниками, что прибыли специально за ними по приказу своего фараона из далекого чёрного Кемета, отбывает только после великого новогоднего праздника акиту. И потом бегом поскорей к ней, к ней, к ней, к моей девочке, к моей любушке, у которой губы покрыты небесной пылью, а тело сладчайшим розовым маслом, лишь бы успеть, пока её родители не вернулись из загородного поместья... Я ловко оббегал на лестнице тяжеловесных жрецов, шествовавших неспешно и важно, как жуки-скоробеи, медиумов и предсказателей с бледными лицами в одеждах, источающих тревожные ароматы потустороннего мира, задумчивых астрологов с пачками табличек в руках, медленно поднимавшихся к своим ярусам.

– Рамша тава!.. Рамша тава!.. Рамша тава!

(Добрый вечер!.. Добрый вечер!.. Добрый вечер!..)¹¹ Некоторые кивали в ответ:

– Лэ-альмин-хьи Накиру!

(Живи вечно, Накиру!)

Чёрный ярус, первый, самый высокий. Там, внутри, в полутьме тайных лабиринтов, куда вход разрешен только жрецам-халдеям, да их прислужникам, стоит огромная, в 12 локтей¹² высоты статуя верховного бога Вавилонии, сына чистого неба Мардука, отлитая из 600 талантов¹³ наичистейшего золота. Пообок от неё – большой алтарь, где жрецы из халдейского рода приносят в жертву взрослых животных, а прямо перед ней, у ног Мардука – золотой алтарь, где режут только сосунков и воскуривают драгоценный ладан. По правде говоря, не люблю я это место. Пахнет здесь смертью, но смертью не чистой, как на полях сражений, а смертью насильственной, нежеланной. Поговаривают, что подчас этот золотой истукан требует испить даже людской крови. Хотя мало ли разных страстей говорят. Поменьше надо уши распускать. И без того что-то сидит глубоко внутри, там, где бьется горячий комок сердца, и гложет, гложет без устали, без конца, день и ночь. Устал я от этого. Может, и правы те, кто прозвал меня Накиру, пришельцем, чужим. Хоть и родился в этом городе, а что толку? Всё равно как чужой. Может, потому что говорю на чужих наречиях, толмачом служу, да и много с чужаками дело имею, так и сам стал чужаком?

Быстрее, быстрее... Я почти бежал по мощенной известняковыми плитами площади, кольцом охватившей громадину зиккурата. Вот уже и высокие ворота, что ведут из храмового города Эсагила, за ними нестройные ряды богатых трех-, четырехэтажных домов, где живут священнослужители, предсказатели и астрологи. Дальше улочки поуже и дома попроще, для прислужников да паломников со всего света. Я нырнул в плотное людское месиво – пестрое разноцветье одежд, мешанина чужеземных ароматов, перезвон золотых-медных украшений, бряцанье оружия, разноголосье языков. Египет, Сирия, Эфиопия, Элам, Персия, Сидон, Мидия, Аравия, Ливия... И в обычные-то дни чужестранцев немерено, а уж накануне праздника вдесятеро больше. Ещё бы, отец богов Мардук будет выбирать себе новую наложницу. Все хотят посмотреть на красавицу, а то и выставить на суд бога своих дочерей. Вдруг да и выберет? Почести семье всякие, а деньжищи... Опять же не мешает молитвы богам вознести, гре-

¹⁰ От арамейского корня šgp – ‘дикая кошка’.

¹¹ арамейский

¹² около 6 метров

¹³ примерно 2,5 тонны

хов за год немало поднакопилось, а то и с просьбами какими обратиться... И чтобы повернее дошли до ушей небожителей, жертвенного козленка жрецам передать и мешочек с серебряными шекелями. А если есть мешочек поболее, с серебряными минами, то можно и к астрологам пойти, судьбу свою разузнать... И не нужно забывать про богатые пиры с щедрыми угощениями во все из одиннадцати дней празднества. Короче говоря, визит в столицу мира, "врата богов" Вавилон, город роскошный, греховный и сладострастный, где каждый ищет наслаждений да удовлетворения своей непомерной жадности и амбиций, – событие великое...

Я легко скользил сквозь толпу, и пьянящая радость – я люблю, и я любим, любим, любим! – выплёскивалась из меня, обдавая всё вокруг хмельной пеной – людские лица, жесты, дома, звуки, запахи, слова, город...

– Подъем!

От дикого крика я взвился на полу. Да уж, Алекс, отвык ты в России от такого бесцеремонного обращения, взрослым стал, остепенился. Я впопыхах натянул на себя ушуистские штаны, футболку, глотнул ледяной воды прям из-под крана и выпрыгнул в окно. За опоздание на тренировку – пятьдесят отжиманий, невзирая на то, что ты взрослый и умный, так что лучше уж поспешить...

Зачем вам тело, если оно ничего не умеет? Где-то давным-давно прочитал, что тело должно уметь говорить, причем говорить на разных языках – и не только на упрощенном до безобразия пиджине обыденной жизни, но и на молниеносно-жестком языке боевого искусства, на высвобождающем чувства языке танца и... да-да, на расслабленном, сумеречном, томительно-сладостном языке любви. Физической любви. Секса... Вот чёрт, как же хочется сейчас этого самого секса! Когда он у тебя был в последний раз?

Месяц назад? Точно, с месяц... С рыжеволосой красоткой Лерой, студенткой пятого курса мединститута. Помимо восхитительной круглой попки и живого ума, у Леры был ещё один преогромнейший плюс – она считала себя непревзойденной во всех отношениях, поэтому у неё всегда было превосходное настроение. А для женщины, как я уже понял в свои двадцать шесть лет, это весьма и весьма большой плюс. С ней было весело и легко, мы много смеялись, она с удовольствием принимала от меня горы подарков и, окруженная толпой поклонников, неизменно твердила, что я – единственный мужчина, за которого она бы с радостью вышла замуж. «Лёшка, котик, ты такой же законченный *эгоист*, как и я. Ты это прекрасно понимаешь! Как бы ты ни притворялся, как бы ни пытался строить из себя порядочного и благородного, тебе на самом деле наплевать на всех и вся. Ты всегда думаешь только о себе... Я тоже, поэтому нам с тобой вдвоем будет хорошо...» Нам с ней вдвоем и правда было хорошо. Особенно в постели. К счастью, для хорошего секса необязательно нужна любовь...

Я лежал на спине в перистой тени королевского депоникса, раскинувшего свою пылающую крону у края спортивной площадки, не в силах сдвинуться с места после убийственной трехчасовой тренировки. Ладно, Алекс, хватит философствовать и мечтать о бурном сексе. Какой тебе сейчас секс? Не смейся людей... Тут до душа бы доползти... тем паче что в ближайшее время тебе никакой секс всё равно не светит. Так что давай, пошевеливайся! Через пять дней тебе, кровь из носу, нужно вернуться в Россию, и так неприятностей не оберешься – зачем поехал, почему заранее не поставил в известность и т. д. и т. п. – а ты в своём "расследовании века" ещё не продвинулся ни на йоту, Шерлок.

Я поднялся, стряхнул со штанов кровавые лепестки депоникса и поковылял к водопаду.

Девять корпусов сянганского университета, разместившегося на полуострове Коулун,¹⁴ были построены в виде девяти разноцветных драконов, которые свернулись кольцами или

---

¹⁴ Коулун в переводе означает 'девять драконов'. Восемь драконов – это восемь холмов, на которых стоит Коулун. Девятым

вздымались на задних лапах посреди изумрудной зелени парка. Немного поплутав по тенистым дорожкам, я наконец-то вышел к корпусу историко-философских наук. Чёрная рептилия уютно растянулась рядом с небольшим поросшим ряской озерцом. Всё верно, гуманитарные науки – чёрный цвет – стихия воды. Полный фэн-шуй... Вход в здание располагался в том месте, где по моим понятиям у дракона должен был находиться желудок.

– Хорошо хоть не сделали вход в заднице, – вслух утешил я сам себя и двинулся было к прозрачным дверям.

– Смотря куда тебе нужно, – внезапно раздался за моей спиной насмешливый женский голос.

Я резко обернулся, почти что отпрыгнул в сторону – чёрт, Алекс, да ты совсем дерганым стал, нельзя же так реагировать на женские голоса! – и увидел перед собой китайку со стопкой переплетённых шёлковых альбомов в руках. «... глаза, полные воды, и лик, словно нежный розовый бутон, с которого твои губы жаждут снять капли утренней росы...» Девушка была красива до умопомрачения, до потери всякой мужской воли, так что впервые в жизни от женской красоты у меня перехватило дыхание... по-настоящему перехватило, а не для красного словца, просто перестало дышаться и всё, а я стоял и ошарашено и бесцеремонно разглядывал её с ног до головы... о, боги Поднебесной, да неужели ж такое возможно?...

– Так куда тебе нужно?

– Мне... куда?.. На исторический, – пробормотал я, одновременно попытавшись извиниться на втором слое за своё странное поведение.

– Аааа... а то я подумала, что на медицинский, к психиатрам, – протянула она и весело смотрела на меня.

А ведь почти угадала. Сама не знает, насколько близка к истине.

– Да нет, я просто... просто задумался, а вы так тихо подкрались сзади... – я наконец-то немного пришел в себя и сумел улыбнуться.

– Тогда идём!

– Куда?!

Ох, Алекс, да ты, как я погляжу, совсем голову потерял...

– Туда, куда ты хотел! – она лихо крутанулась на каблучках и зацокала по выщербленной плиточной дорожке. – Исторический находится в хвосте здания, то есть дракона, поэтому вход на факультет расположен именно там, где ты и подумал.

Она шла, не оглядываясь, уверенная в том, что я бегу за ней следом, как послушный щенок. И, конечно же, она была права...

– А ты что, окончил школу и хочешь поступать на истфак?

Ну вот, опять та же история! Да знаю я, знаю, что выгляжу моложе своих двадцати шести лет! Вечно охранники ночных клубов останавливают на входе, так что приходится доставать водительские права или паспорт и под ехидные насмешки друзей или, того хуже, подруг доказывать своё совершеннолетие. Но чтобы красивая женщина принимала меня за школьника! Это, знаете ли, уже слишком! Она что, не заметила мой бэдж иностранного подданного?! Хотя, может, и впрямь не заметила... Я скосил глаза вниз. Прилепленная утром на футболку фиолетовая клякса-иностранка едва выглядывала из-под полы расстегнутой рубашки. А, возможно... возможно, это и к лучшему...

– Вовсе нет. Я уже учусь в универе... на инязе, – мрачно соврал я.

– О, на инязе? – Тай, как она представилась мне на втором слое, одарила меня очередным насмешливым взглядом. – Будущий переводчик?

– Ну да, – ещё мрачнее подтвердил я.

– Тогда понятно, почему ты от женщин скачешь, как дикий. И с какого же языка водишь?

– С русского, арабского, японского, ну и ещё так, по мелочи, типа америколы...

Все языки перечислять я не стал, хватит с неё и такого списка.

– О! – мне показалось, что в её голосе проскользнул оттенок уважения. – Молодец! Насколько я в этом разбираюсь, это очень круто! А зачем тебе понадобился исторический?

– Да задали перевести на русский одну работу здешнего препода, а мне непонятны некоторые моменты. Никак не могу разобраться, что он имел в виду, особенно на втором слое. Вот, хотел найти его самого и спросить.

– Понятно, – она улыбнулась. – К сожалению, не могу тебе помочь, сама я работаю на другом факультете, мало кого тут знаю, да и со временем цейтнот. А мы, собственно говоря, уже и пришли. Тебе прямо через холл, видишь вон ту дверь с двумя фигурами императоров по бокам? Это их деканат, там спросишь. А мне наверх.

– Подождите!..

Я хотел остановить её, задержать под любым предлогом, как любой мужчина инстинктивно хочет удержать рядом с собой красивую женщину, но её точеная фигурка уже исчезла за дверями лифта.

Через пару часов моего "расследования" мне стало ясно, что имя профессора Линга действует на людей подобно разряду полицейского электрошокера. Как только я произносил его имя, приветливые улыбки на лицах мгновенно сменялись непроницаемой маской, кто-то, напрочь забыв про пресловутую китайскую вежливость, утыкался в бумаги и переставал реагировать на мои расспросы, а некоторые так и вовсе сбегали от меня под всевозможными предлогами, а то и без. Проболтавшись полдня по бесконечным коридорам гуманитарного корпуса, я выяснил только одно: примерно с год назад профессор Линг уволился из университета и исчез. О дальнейшей его судьбе никто не знал... ну, или не хотел говорить.

Когда моя голова начала гудеть от пустых расспросов, а живот свело от голода, я ввалился в студенческую кафешку, уютно разместившуюся в левом драконьем глазу. Пристроился там за столиком у прозрачной линзы-стены, буквально за минуту проглотил целую пиалу риса с какой-то сложной смесью водорослей и приправ, а потом долго-долго сидел с чашкой ароматного травяного чая в руках, приправленного горьковатым горным медом, и смотрел, как высокое сянганское небо заливает тяжёлой серой акварелью туч, как первые тёплые капли неуверенно сползают по пыльному стеклу...

Ну вот и всё, тупик, дальше идти некуда. Как иностранец, ты здесь на птичьих правах, да к тому же с тебя не спускают глаз... Плюнуть на всякую осторожность и, несмотря ни на что, попытаться найти таинственно исчезнувшего профессора? Я хмыкнул. Да лучше уж сразу обратиться к тем парням в серых костюмах, что ходят за тобой по пятам. Они-то уж точно знают. Сэкономишь время и силы – сразу же вышлют из страны, и делу конец... А, может быть, ты вообще зря всё так усложняешь? Может быть, профессор Линг просто устал от научной деятельности и решил посвятить себя литературному творчеству? Удалился в тихое местечко и пописывает там себе свои любимые любовные романы?

Я откинулся на спинку кресла, поражаясь собственной тупости. Ну, конечно же, любовные романы! Второй слой!!! Как я мог упустить его из виду?! Перевод того исследования мне заказала наша академия наук, так? Так. Но обычно для таких работ заказывают перевод только первого слоя, потому что второй слой нахрен никому не нужен, верно? Верно. Но мне заказали перевод обоих слоев, потому что... потому что так, скорее всего, было оговорено контракте. А тот факт, что так было оговорено в контракте, означает, что автор придает большое значение тому, что написано не только на первом, но и на втором слое... То есть мнит себя... мmmm... литератором, так сказать, из чего вытекает... из чего вытекает, что, желая повесить своё писа-

тельское мастерство, профессор мог быть как-то связан с филологическим факультетом, и его работы, вполне вероятно, могут храниться не только в библиотеке исторической литературы, но и на филфаке... Разумеется, умственно-аналитические способности службы безопасности Поднебесной недооценивать тоже не стоило, но чем чёрт не шутит?..

Филологический факультет располагался в отдельно стоящем корпусе-дракончике цвета тусклого чароита, притулившемся среди высоких кленов в паре сотен метров отсюда. Я мелкой рысью промчался по запутанным дорожкам парка, с наслаждением вдыхая напоенный влагой воздух и радуясь тому, что дождь стих, и... и не успел. Уже на самом выходе из зеленой гущи, на самом пороге, рванул коварный порыв ветра, будто поджидал-дождался специально меня, тяжёлая листва весело затрепетала, зашелестела, обдала меня с головы до пят ушатом холодной воды и – радостно хлопала в ладоши, засмеялась оттого, что вот-таки удалась проказа, поймала молодого наглеца...

Так я и влетел в корпус филфака. Пожилая консьержка на входе равнодушно посмотрела на мою мокрую голову, с которой струйками стекала дождевая вода, но ничего не сказала. Видимо, была привычна к эксцентричности начинающих гениев.

Что ж, продолжим наше расследование...

Поплутав полчаса по темным путаным переходам и порасспросив десяток студентов, я наконец остановился перед дверью, на которой прямо ножом по дереву, без всяких там церемоний, была выпарапана надпись «Литературный клуб», на втором слое гласившая «Перед входом остановись и подумай – а нужно ли *это* Миру». Ого, ничего себе, предупреждение... Я замер, как вкопанный... А ведь и впрямь, Алекс, об этом ты не подумал?.. Вот ты ищешь чего-то, пытаешься до чего-то докопаться – а нужно ли *это* миру? Может быть, мир прекрасно обойдется и без этого, а?

Сомнения, сомнения, опять одни сомнения. Когда-нибудь они сожрут тебя заживо, параноик ты конченный. Я зло тряхнул головой... Да плевать мне на весь мир. Мир-то, может, и обойдется, а вот я... *Я – нет!* Решительно потянулся к дверной ручке и... опять не успел!

Дверь резко распахнулась, из неё вылетела молодая женщина со стопкой шёлковых отрезов в руках, с размаху налетела на меня, отчего все её лоскуты разлетелись по сторонам облаком пёстрых бабочек, застыла на месте и подняла на меня удивлённые глаза.

– Это опять ты?!

Я не менее оторопело посмотрел на Тай, потом перевёл глаза на радужное многоцветье у себя под ногами... вот чёрт, и откуда только она здесь взялась? Надо же было наткнуться на неё снова... Совпадение? А если нет? А даже если и совпадение, к добру оно или нет? Эх, знал бы, где упасть, соломки бы подстелил, вот точно конченный параноик...

– Извини...

Я опустил на корточки и принялся поспешно собирать шёлковые отрезки. Тай даже не пошевелилась, не сделала вид, что пытается мне помочь. Так и стояла, как королева, и смотрела сверху вниз, как я копошусь у неё под ногами, аккуратно складывая в стопку тонкие листы шёлка с неумело-первокурсничьей любовной лирикой...

– Да ты тоже извини, – она улыбнулась. – Просто сам виноват, стоишь под дверью, как страж из императорской террактотовой армии!

Ах, вот значит как, я же ещё и виноват в том, что она носится по зданию, как угорелая, и сшибает с ног нормальных людей!

– Так здесь же написано «Остановись и подумай». Вот я стоял и думал, – пробурчал я себе под нос, уткнувшись глазами в пол и продолжая разглаживать тонкий шёлк.

– А-а-а, тогда всё понятно, – протянула Тай, – и что написал? Поэму, роман или стихи?

– Ничего.

Я положил в стопку последний отрез и поднял на неё глаза. Ну, вообще-то, честно говоря, не на неё. До её лица мой взгляд не дошёл, застопорившись гораздо ниже, на уровне её коле-

ней... вот это да!.. И что там наш злобный старикашка-бог смеет вешать в Библии о любодействе после того, как собственными же руками сотворил такое... такие... вот такие, как эти... круглые, чуть полноватые, персиковые, с ямочками по бокам... Я с трудом проглотил слюну и слегка подался назад, потому что почувствовал, ощутил всем своим мужским нутром, что было *слишком близко*, что уже готов был – да что там готов, мысленно уже сделал и это, и многое другое, куда мне угнаться за собственной похотливой фантазией? – так вот готов был вжаться лицом в эти коленки, забыть обо всём и вся, о всех своих поисках и сомнениях, об этом неуловимом профессоре с его дурацкими измышлениями на существующем разве что в его и моей голове третьем слое... В конце концов, может, не только миру, но и мне самому *это* нахрен не нужно, и я так давно не прижимался к тёплому женскому телу...

– Нравятся?

Тай насмешливо взирала на меня сверху вниз. А я наконец-то сумел довести взгляд до её глаз, улыбнулся ей в ответ и покачал головой:

– Не то слово...

Она чуть посерьезнела и продолжала молча разглядывать меня.

– А... а что ты делаешь сегодня вечером? Может быть, встретимся? Я хочу тебя куда-нибудь пригласить...

О, господи, Алекс, ну вот что это такое? Чего ты там бормочешь? Разве так разговаривают с красивыми женщинами, а? Школьник, десятый класс, не больше, ей-богу. Тай была права...

– Пригласить? Меня? – она с сомнением посмотрела на мою мокрую прилипшую к телу футболку и джинсы.

Ну да, вид не очень впечатляющий, согласен. Не мачо, чего там говорить, совсем не мачо...

– Не думай, у меня есть деньги. Я подрабатываю... переводами...

Ой, Алекс, ну и несет же тебя в твоём косноязычии, причем несет явно не туда...

– И мне нравится один старый ресторанчик на пике Виктории...

– О, даже так? Ну как же я могу отказать мужчине, который приглашает меня на свидание, стоя передо мной на коленях? – Тай почти откровенно смеялась. – Такое даже со мной случается нечасто. Сегодня я заканчиваю работу в семь!

Она проворно присела, подобрала с пола стопку шёлковых листов и через мгновение уже скрылась за ближайшим поворотом... Чёрт, а ведь мне даже не пришло в голову, что я всё это время разговаривал с ней, сидя у её ног...

Остаток дня я провёл, зарывшись с головой в старинный стихотворный трактат, написанный ещё на однослойном вэньяне и посвященный так называемой философии воды, который я купил тут же, в небольшой книжной лавке в хвосте дракона. Мозг, привыкший к неизменному второму слою, упорно выискивал скрытый подсмысл в вычерченной чёрной тушью на желтоватой бамбуковой бумаге иероглифике. «Будь водой, будь везде и будь всем, будь в этом Мире – Миру нужно не твое благо, но твое участие...» За стеклом снова шумел дождь, исхлестывая размашистыми струями воды университетские здания и парковую зелень. Да уж, хорошая фраза, прямо в яблочко. Я усмехнулся. То, что я пытаюсь сделать, до чего пытаюсь докопаться – принесет ли это благо миру? Как раз в этом-то я сомневался. Наверное, лучше было бы оставить всё, как есть – лучше и для меня, и для других...

Голова стала тяжёлой, в висках пульсировало. Я откинулся на спинку кресла и смотрел, как серые тучи превращают город за окном в смутный призрак. «Стань водой... признай, что любой из путей, что открываются твоему взору, иль даже скрыты от него, несут в себе истинность, коль существуют... и выбери лишь тот из них, что ты сочтешь истинным лишь для себя и лишь в тот миг, когда ты делаешь свой выбор...» Легко сказать. А как его выбрать, этот путь? Как понять, который из путей истинен хотя бы для тебя и хотя бы в этот короткий и

единственный миг, когда в голове всё спуталось, переплелось и сбилось комками, как в тех ошметках старой паутины, что свисают с древней винтовой лестницы в ненавидимой мною Башне переводчиков?

– Лёшка, ты похож на бездомного брошенного кота, которого хочется прижать к себе и согреть, – Аля приглушено засмеялась, словно отдав на съедение ночной тьме все свои звонкие нотки, и нежно взъерошила мои влажные от пота волосы. Я склонился над ней ещё ниже, к её смутно светящемуся овалу лица, к её шепчущим губам, прижался щекой к исподней стороне её руки, туда, где вдоль нежной кожи вьётся едва уловимый бесстыже-сладостный аромат, и едва не застонал от удовольствия.

– ...такты захотела заняться со мной любовью только потому, что я похож на уличного кота?..

По правде говоря, не очень-то приятно слышать подобные признания от женщины, с которой ты только что в первый раз занимался любовью и которую ты... ты... ну давай же, Алекс, давай, договаривай! Неужто слабо признаться в этом даже самому себе?.., которую ты... *любишь*.

– Да... и поэтому тоже... Но ты ничего-ничего не понимаешь... Ты слышишь меня? Ничего-го. Ничегошеньки... Потому что ты глупый и гадкий мальчишка с глазами, как у брошенного уличного кота... И я хочу сделать тебе хорошо... чтобы ты забыл обо всём-обо всём... и обо всех... И любил только меня... Иди ко мне... – её шёпот становился всё горячее, всё настойчивее, и я тонул в нём, и в ней, и в этой жаркой ночи, и слышал, как в ответ с моих губ срывается что-то такое нежное, что и вслух-то сказать было стыдно, и я задышался от этой нежности, и чувствовал, как её тело становится моим, моим... моим...

Я встряхнул головой. Да что это за адское наваждение?! После твоего разрыва с Алей прошло уже больше года, так какого чёрта ты *опять*, в стотысячный, в треклятый миллионный раз об этом вспоминаешь? Ты должен понять, сказать себе раз и навсегда, что ничего уже не вернуть, не исправить, что о ней нужно забыть... Да-да, именно так, *приказать* себе забыть, запретить себе думать о ней – раз и навсегда! В конце концов, мужчина ты или слабак, тряпка? Так сотри ж её из своей чёртовой памяти подчистую!..

А хотя с чего вдруг ты так распахивался? Неужели и впрямь из-за этих воспоминаний или... или причина гораздо проще? А именно в твоей потенции? Вернее, в абсолютном и беспардонном её отсутствии в данный конкретный момент времени, когда она так нужна, а у тебя, как ни старайся...

Я склонился над Тай и провел щекой между её грудей. Ничего. Полный, стерильный ноль. Мои поцелуи соскальзывали с её гладкой фарфоровой кожи, не оставляя на ней ни следа возбуждения, словно им попросту не было за что зацепиться. Я скользил руками по её безупречному телу, стараясь отыскать на нём хоть малейший изъян, хоть одну неудачно прилепившуюся родинку или даже царапинку, которые могли бы притянуть, закрутить вокруг себя тёмную воронку сладострастия. Но не находил ничего. Неужели для физической любви нам нужно несовершенное тело?!.. Наконец, я сдался. Бессильно откинулся на спину на громадной цветастой постели, стоявшей прямо напротив окна, за которым по чёрной глади залива мельтешили светляки джонок и прогулочных катеров, и закрыл глаза.

– Извини, малышка... Видимо, я сегодня устал. Сделай всё сама...

Почему-то она не обиделась, не оскорбилась на подобное моё хамство; оказалась опытной, несмотря на своё безупречно-совершенное тело, опытной именно так, *как надо*, теми едва уловимыми движениями бедер, от которых у мужчин пересыхает во рту и прокатывается по телу, уходит в самый низ живота мощная, вздымающая плоть волна наслаждения... и... и кто там говорил об отсутствии потенции в двадцать шесть лет?

– Ляо-Ша – какое странное имя, – Тай расслабленно водила пальчиком по моей груди. – А что ты всё-таки делал у нас на филфаке?

– Ждал тебя, – улыбнулся я.

– Я это уже поняла, – она потянулась вверх и нежно укусила меня за губу. – И всё же...?

– Искал одного человека.

– И на историческом тоже?

– И на историческом...

– И кого же?

Эх, была не была. В конце концов, о моих вчерашних розысках спецслужбам наверняка уже всё известно, тем более что я особо и не скрывался. Поэтому чего я теряю?

– Профессора Линга.

Тай отпрянула от меня так резко, что от неожиданности я сам едва не подскочил на постели. Ничего себе реакция на имя обычного преподавателя... Интересно, куда же я всё-таки влип?

– И зачем он тебе?

– Да я тебе уже говорил. Чтобы проконсультироваться. Мне на практике перевода задали перевести на русский одну его работу, а я никак не могу разобраться с некоторыми моментами, не могу понять, что именно он имел в виду. Вот и хотел спросить у него самого...

– Ты врешь, – Тай сидела на кровати и пристально смотрела на меня.

– ...Вру, – кивнул я.

Чёрт, Алекс, уж в твоём-то возрасте пора научиться врать женщинам... мммм... более убедительно!

Я тоже привстал на постели, обмотал вокруг бедер простыню – да нет, никакой повышенной стыдливостью я не страдаю, просто не могу вести разговоры с женщинами на отвлеченные от секса темы в голом виде – и пододвинулся к Тай.

– Солнышко, понимаешь, мне правда нужно найти этого человека. Не для плохих целей, поверь мне. Просто мне нужно кое-что у него спросить. Это связано с его исследованиями. И очень важно для меня. Я вчера попытался его найти, потратил полдня, но мне сказали, что он уволился полгода назад, и, где он сейчас, никто не знает. Тогда я попытался найти его последние работы, чтобы попробовать разобраться самому, но тоже никакого результата. Поэтому я и подумал, что, может быть, у вас на филфаке остались какие-то его труды...

Тай продолжала смотреть на меня с подозрением, но, кажется, немного успокоилась. Ещё бы, когда на втором слое страстно внушаешь женщине о том, как безумно хорошо тебе с ней было в постели....

– Так ты ничего не знаешь?

– О чем?

– О том, что твой профессор сошел с ума и его были вынуждены поместить в клинику для душевнобольных? Оказалось, что он уже пару лет страдал сильнейшим психическим расстройством, но ему удавалось как-то скрывать это от окружающих, даже от родных, представляешь? Но потом уже скрывать стало невозможно... К нам приходили из службы безопасности, изъяли все его работы, сказали, что они неблагоприятно воздействуют на подсознание человека и могут привести к таким же последствиям, как у профессора.

– Теперь понятно...

Ну вот, Алекс, теперь-то точно тупик. Работ профессора в свободном доступе не осталось, все прибраны к рукам спецслужбами. Попытаться пробраться к нему в больницу? Ну, во-первых, неизвестно, в какой клинике он находится. А, во-вторых, если всё так серьёзно, то наверняка к нему приставлена такая охрана, что и комар не пролетит...

– А ты ведь не местный, да?

Я улыбнулся и покачал головой:

– Не местный. Почти не местный.

– И откуда ты? – Тай пристально смотрела на меня.

– Из России.

– И ты не студент?

– Нет. Хотя был им когда-то, конечно. Но сейчас я работаю, уже пять лет. Переводчиком. Она сидела на постели, поджав по себя ноги, и молчала. Какой я всё же козёл...

Я протянул руку и ласково провел ладонью по её волосам.

– Прости, солнышко. Я не хотел так, правда. Не хотел тебя обманывать.

По крайней мере, нарочно. Просто не знал, как поступить лучше...

Неожиданно она подняла голову и посмотрела на меня каким-то странным, бессмысленно-нежным взглядом:

– А знаешь, мне всё равно, кто ты... Ты... замечательный, кем бы ты ни был...

Потом обвила меня руками, прижалась ко мне своей полной грудью и, уже медленно сползая вниз, скользя языком по моему животу, пробормотала:

– Я вспомнила, у меня где-то осталась одна работа этого твоего профессора... Принес нам её в литературный клуб почти перед тем, как его забрали... Я взяла её домой, чтобы почистить, отредактировать второй слой. А потом, когда всё это началось, совсем про не забыла. Лежит где-то в книжном шкафу. Я тебе её найду потом... потом, хорошо?.. Мой милый...

Уже под утро, когда свежий ветер наполнил просторную комнату шумом прибоев и терпким соленым воздухом, я дрожащими руками расправил на полу трехметровый отрез ткани. Уставшая Тай, которую после нескольких бурных любовных спаррингов я безжалостно заставил искать в шкафу обещанную работу профессора, мирно спала на своей королевской постели. От волнения иероглифы прыгали у меня перед глазами, я до боли всматривался в узорчатые строки... Ничего. Совсем ничего. Я посмотрел на дату. Написано всего семь месяцев назад. На полтора года позже, чем то исследование, которое я переводил в России... Ну а что, собственно говоря, ты хотел? В глубине души ты же знал, с самого начала *знал*, что всё, что привиделось тебе той ночью, – не более чем бред... Но ты обрадовался этому бреду! Вцепился в него мертвой хваткой, ухватился как за предлог, лишь бы только куда-то бежать, что-то делать, искать, суетиться, потому что... потому что уже вовсе невозможно было, невыносимо жить наедине со своими мыслями... с самим собой...

Я поднялся с пола, прошел на кухню и поставил на огонь крошечный стеклянный чайник. Отыскал в верхнем шкафу бумажный пакетик с зеленым лунцинем и бросил щепотку в заварник. Вскоре плоские листочки начали медленно набухать, в прозрачной воде заскользили золотистые и зеленоватые змейки, воспаряя в воздух терпкими весенними ароматами. Отрез пудрового шёлка лежал тут же, на столе, куда я его в сердцах швырнул по приходу на кухню, и весёлый утренний бриз ласково теребил свисавший со стола край ткани. Я бездумно смотрел на мягкие переливы шёлка, и вдруг вновь почувствовал *это*. Это было странное чувство, словно на глади реки кто-то тонким прутиком только что написал свою тайную мысль. Водная гладь безмятежна, но ещё хранит на себе след чужой тайны... Я подошел к столу и прочитал. Это была та же самая мысль, которую я прочитал несколько дней назад, с раскалывающейся от похмелья головой, сидя на полу своей воронежской квартиры. Только на этот раз выраженная более четко, ясно и убедительно. Дышать стало тяжело, на лбу выступили капли ледяного пота. Я дрожащей рукой поставил чашку с чаем на стол и медленно сполз на холодный кафель.

Легкий шорох резко выдернул меня в реальность. Я дернулся, больно ударился затылком о ножку стола и вспрыгнул на ноги. Ох, Алекс, нервы тебе лечить надо, причем срочно, пока

голова цела... Это была Тай, ещё до конца не проснувшаяся, завернутая в складки чего-то карамельно-молочно-жемчужного и оттого похожая на старинную китайскую куклку.

– Ляо-Ша, с тобой всё в порядке? – она зевнула. – Ты что, совсем не спал?

– Да... так и не смог заснуть, – пробормотал я, поспешно собираясь с мыслями. – После ночи с тобой...

Она подошла к столу, мельком взглянула на развернутый лоскут:

– А, понятно, чем занимался... И что ты нашел в этом профессоре Линге?

– Ничего особенного. Всё, что мне было нужно, я уже нашел.

Я присел на краешек стола, обхватил её за талию, притянул, прижал к себе, что есть силы. Ощутил её тёплое дыхание где-то между своим плечом и ухом, прикоснулся губами к её волосам, пахнувшим *мною*, и прошептал:

– Мне с тобой было очень-очень хорошо... ты меня слышишь?.. Спасибо тебе...

И, уже выскользнув от неё неверным предательским змеем, у самого порога извиняющимся голосом пробормотал:

– Тай, солнышко, мне нужно идти, хорошо? Я постараюсь тебе позвонить...

И выскочил за дверь.

Не люблю... ненавижу подобные сцены! И ненавижу себя за то, что вынужден их разыгрывать! И такие отношения тоже ненавижу! Ради чего всё это?! Ради каких там ещё высших целей, которые, как известно, никогда и ничего не способны оправдать?

И... и как же всегда невыносимо больно рвать тонкие ниточки-паутинки, которые протягиваются между людьми иногда годами, а иногда сразу же, за одно мгновение, стоит лишь сказать первое «Привет!»...

Несмотря на очень раннее утро, старомодный и трудолюбивый паромчик «Стар Фэрри» уже деловито пыхтел у причала. Я зашел на нижнюю зеленую палубу, где на неудобных деревянных скамьях дремало с десяток местных жителей. Гавань была подернута нежной утренней дымкой. Противоположный берег сонно щерился зубьями небоскребов, местами уцелевших и отливавших сизоватым блеском зеркальных стен, но большей частью полуобрушенных, изъеденных чёрным кариесом выбитых окон... Я облокотился о вытертые перила и смотрел вниз на воду, где в мягких струях, расходившихся по сторонам от тяжёлого днища-утюга, резвились оранжевые рыбки. Вдруг вдоль борта у самой ватерлинии я заметил какую-то надпись. Чтобы её прочитать, мне пришлось встать на приступок и так сильно перегнуться через перила, что лицо обдало россыпью соленых брызг.

...«Не плыви по течению. Не плыви против течения», и на втором слое «Плыви поперек него, если хочешь достичь берега», – гласили обшарпанные иероглифы.

– Эй, парень, смотри не свались за борт, – внезапно раздался откуда-то сверху добродушный голос. Я поднял голову и увидел на верхней белоснежной палубе самого настоящего капитана в белоснежной рубашке с почти такой же белоснежной аккуратной бородкой.

– А что ж вы так низко сделали надпись? Держу пари, у вас из-за неё не один десяток пассажиров пошел на корм рыбам?

– Вообще-то эта надпись не для любопытных пассажиров, – капитан весело рассмеялся. – А для меня.

– Для вас? Зачем? – удивился я.

– Да так, помогает... по жизни, – он неопределенно махнул рукой и вернулся на капитанский мостик.

«Не плыви по течению, не плыви против течения»... Интересно, Алекс, а куда плывешь ты? Что не по течению, это уж точно. И судя по тому, что сейчас ты сидишь на этом пароме, а не в какой-нибудь российской или китайской каталажке, то и против течения ты пока тоже не плыл – по крайней мере, так явно... А вот плывешь ли ты, куда тебе надо? Или туда, куда

надо... *кому-то*? Куда тебя так мягко, но упорно подталкивают? Слишком уж много случайных совпадений и везений, не кажется ли тебе? Взять хотя бы одно беспрепятственное пересечение границы (это в наши дни!) или случайное знакомство с Тай, которая, как оказалось, так много знает о профессоре и даже сохранила одну из его последних работ! Но ты пока предпочитаешь закрывать глаза на эти поцелуи фортуны. Ладно, твое дело... Остается только надеяться, что тебя попросту не толкают ко дну...

Когда паром мягко ткнулся бортом в резиновый причал и жидкая вереница пассажиров потянулась по трапу на берег, я отыскал глазами капитана, стоявшего на своём мостике, и прокричал ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.